Наталья Солнцева

Пассажирка с «Титаника»

Наталья Солнцева
Пассажирка с «Титаника»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7578278
Солнцева, Наталья Пассажирка с «Титаника»: [роман]: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-083220-0

Аннотация

Так устроен человек: он изобретает либо эликсир вечной жизни, либо совершенное средство для мгновенной смерти. И все ради того, чтобы получить Власть и Деньги…

Откуда могла знать девочка из далекого, всеми забытого поселка о том, что станет орудием в руках такого человека?

Он окунул ее в пучину прошлых воспоминаний, заставил вытащить оттуда самые чудовищные образы и приказал убивать ради любви. Ее мир раздвоился на прошлое и будущее, а она изо всех сил пытается стать счастливой и любимой в настоящем.

Содержание

Глава 1 5
Спустя два месяца после происшествия в ресторане «Магриб» 10
Глава 2 15
Дневник Уну 15
Черный Лог 26
Глава 3 29
Москва 29
Глава 4 43
Дневник Уну 43
Москва 51
Глава 5 56
Глава 6 69
Дневник Уну 69
Глава 7 83
Глава 8 96
Дневник Уну 96
Москва 104
Глава 9 110
Конец ознакомительного фрагмента. 123

Наталья Солнцева
Пассажирка с «Титаника»

Все ближе та награда потайная —
Иное море и стрела иная,
Что исцеляет ото дня, от ночи
И от любви нас.

Хорхе Луис Борхес

Все события и персонажи вымышлены автором.
Все совпадения случайны и непреднамеренны.

Дорогой читатель!

Книга рождается в тот момент, когда Вы ее открываете. Это и есть акт творения, моего и Вашего.

Жизнь – это тайнопись, которую так интересно разгадывать. Любое событие в ней предопределено. Каждое обстоятельство имеет скрытую причину.

Быть может, на этих страницах Вы узнаете себя. И переживете приключение, после которого Вы не останетесь прежним…

С любовью, ваша
Наталья Солнцева

Глава 1

В крохотную, пропахшую духами гримерку заглянул администратор:

– Нана, пора выходить. Ребята уже разогрели публику, так что, поторопись.

Певица поправила волосы и вздохнула. Сегодня она с трудом заставила себя прийти в ресторан. Навалилась депрессия, хотелось лежать и ни о чем не думать. Сердце ныло, словно в предчувствии беды.

Нана была хороша собой и пользовалась успехом у мужчин. Некоторые посетители приходили в «Магриб» ради нее. Она обладала сильным голосом, стройной фигурой, изяществом и нежной пластикой. Яркие восточные наряды и броские украшения подчеркивали ее чувственность, волосы

пышной черной копной падали на плечи.

– Почему так тошно? – спросила она свое отражение в зеркале.

Оттуда на нее смотрело прелестное лицо с тонкими чертами, печальное и бледное. Грузинская царевна, томящаяся в неволе.

Нана взяла кисточку и нанесла на скулы слой румян. Пора было идти петь, танцевать, развлекать подвыпивших гостей биржевого маклера. За эту вечеринку ей хорошо заплатили, и она должна работать до полуночи, а потом… как пожелает заказчик.

Она стряхнула оцепенение, гордо выпрямилась, улыбнулась и отправилась в зал, где ее встретили восторженными аплодисментами.

Все шло как обычно. Мерцающий свет… музыка… песни… танцы… звон бокалов и пьяные выкрики… снующие между столиками официанты. После нескольких песен Нане поднесли корзину чудесных белых роз. Но цветы, которые она обожала, на сей раз оставили ее равнодушной. Она с трудом сдерживалась, чтобы не бросить все и не убежать в свою гримерку. Ее постепенно охватывал гнетущий страх.

В «Магрибе» можно было не только сидеть, но и угощаться полулежа на мягких диванах. На каждом столике горели свечи в подсвечниках из стеклянной мозаики. Вдруг эти привычные огоньки свечей испугали Нану, показались ей глазами бешеных кошек, готовых вцепиться ей в горло и рвать,

терзать до крови, до изнеможения и смерти…

«Боже, что со мной?» – с ужасом подумала она, расточая сияющие улыбки и посылая воздушные поцелуи.

Сегодня ей не пелось. Голос был сухим, ломким, она с натугой брала верхние ноты, но зрители, опьяненные алкоголем и обильной едой, не замечали этого. Они требовали продолжения и совали музыкантам мятые купюры, чтобы Нана исполнила их любимые шлягеры.

На угловом диване с бархатными подушками певица заметила мужчину, который пристально наблюдал за ней. Опять он! Таинственный незнакомец, которого она выделила среди остальных посетителей. Что-то в нем было магнетическое, притягательное… и пугающее.

Нана старалась не встречаться с ним взглядом, что вызвало на лице мужчины ироническую усмешку. Он отвернулся и сделал вид, что поглощен своей дамой. Нана оценила ее изысканную красоту. Гладкая прическа, жемчуг на длинной шее, узкое темное платье. Лицо дамы терялось в полумраке, но и без того ясно, что оно соответствует общему облику хозяйки.

Кто они? Друзья? Отец и дочь? Сестра и брат? Супруги? Любовники?

Нана испытала приступ ревности, который вылился в безысходную тоску. Кто она такая, чтобы ревновать этого чужого мужчину к его прекрасной спутнице? Ресторанная певичка!.. Одна из многих, приехавших в Москву на заработ-

ки. Разочарованная разведенная женщина, которая уже не надеется встретить свою любовь…

– «Сулико!.. Сулико!..» – донеслось из зала.

Компания грузин просила исполнить известную песню, и Нана сделала музыкантам знак начинать. Зазвучала нежная мелодия флейты…

Певица исподволь наблюдала за привлекшей ее внимание парой. Мужчина закусывал. Дама ничего не ела в отличие от своего спутника. Он что-то сказал ей, она кивнула.

Мужчина быстро взглянул на Нану, и она чуть не забыла слова песни, запнулась, но вышла из положения, воспользовавшись тем, что мало кто из присутствующих понимает грузинский язык. У нее пересохло в горле, а в теле разлился жар. Не хватало еще опозориться!

Она взяла себя в руки и допела «Сулико» до конца. Пожилой грузин крикнул «Браво!» и передал музыкантам шампанское и поднос с фруктами.

Нана низко кланялась, преодолевая дрожь в коленках. Скорее бы отработать, вызвать такси и уехать домой. Ей нужен отдых. Она измучилась, устала.

«Сегодня же попрошу у директора отгул, – думала певица, борясь с дурнотой. – Он будет недоволен, но я его уговорю. Всех денег не заработаешь…»

Сердце выскакивало из груди, словно она пробежала стометровку. Отчего-то Нана боялась поднять глаза. Казалось, она увидит что-то жуткое, неотвратимое, как сама смерть.

«Это все нервы, – пульсировало в голове. – Невыносимое напряжение последних недель. Работа допоздна, вынужденные ужины с поклонниками, езда на другой конец города, короткий сон в съемной квартире, а утром изнурительные тренировки в танцзале, уроки вокала. Боже! Я этого не выдержу! Не выдержу…»

Усилием воли певица заставила себя выпрямиться. Тусклые огни ламп, язычки свечей, публика, официанты, блеск позолоты, гул голосов, рукоплескания – все смешалось, помутилось и слилось в серую массу. В лицо ударил темный свет. Последнее, что увидела Нана перед тем как упасть, был мужчина, который встал со своего места на диване, и юная красавица с безмерным ужасом в глазах…

Спустя два месяца после происшествия в ресторане «Магриб»

– Катя?

Молодая женщина подняла голову и встретилась взглядом с рослым, щегольски одетым брюнетом, который остановился рядом с ее столиком. – Какими судьбами? Не ожидал увидеть тебя здесь.

Она сделала вид, что удивлена и обрадована. На самом деле Катя в надежде на встречу регулярно приходила в эту маленькую уютную кофейню, где иногда любил посидеть Роман Лавров.

– Не думал, что такие изысканные дамы, как ты, посещают подобные заведения, – он бесцеремонно уселся напротив и уставился на нее. – Ты похорошела. Развод пошел тебе на пользу.

– Мы с мужем еще не развелись официально. Просто разъехались. Я перебралась в свою московскую квартиру, а он остался в загородном доме. Бракоразводный процесс ведет мой адвокат.

– Может, помиритесь?

– Никогда! – вспыхнула Катя. – Я хочу все забыть. Больше ни слова о моем замужестве!

– Хорошо, – нахмурился он.

Как ни крути, а Лавров приложил руку к тому, чтобы се-

мейная жизнь Кати окончательно развалилась[1]. Но трещину ее брак дал гораздо раньше. Впрочем, симпатичный брюнет не слишком переживал по сему поводу. Катя молода, красива, обеспечена и легко найдет себе нового супруга.

– С тех пор как мы расстались, я часто вспоминала тебя, – призналась она. – Это даже лучше, что ты оказался не бизнесменом, а сыщиком.

– Почему?

– Мне хочется порвать с прошлым. Совсем. Окунуться в другую жизнь, свободную от денег и выгоды.

– Это вряд ли получится.

Катя огорчилась до слез и, желая скрыть обиду, принялась жевать пирожное, которое ей принесли. Слова Лаврова она восприняла как отказ. Он ведь не может не понимать, что она, по сути, предлагает ему себя в качестве подруги, любовницы. Разве не этого он добивался?

Роман ощущал вину перед ней и решил сгладить неловкость светской болтовней. Катя оставалась безучастной к его попыткам увести разговор в сторону. Он говорил о пустых вещах, которые не трогали ее. Правда была бы слишком жестокой, а барышня и без того натерпелась.

– Ты спас меня от верной смерти! – с болезненной восторженностью произнесла она. – Я твоя должница.

– Все куда прозаичнее, – смущенно возразил он. – Меня

---

[1] Подробнее читайте об этом в романе Н. Солнцевой «Эликсир для Жанны д'Арк».

нанял твой отец. Я выполнял свою работу.

– Я знаю! Знаю! Папа говорил со мной после… он мне все объяснил.

«Не все, – глядя на нее, думал Лавров. – И правильно сделал. Зря он сообщил тебе название кофейни, где я бываю. Он давит на меня, а я этого терпеть не могу!»

– Как ты меня нашла?

– Я тебя не искала… – растерялась Катя. – Я… Хотя нет! Я приходила сюда много раз… Ты обещал, что позвонишь мне, но…

– Я не хочу вторгаться в твою жизнь, – мягко сказал он. – Мы люди разного круга, разных возможностей. Я тебе не подхожу. Прости.

– Простить? Что? Это часть твоей работы. Я не в претензии.

Катя покачала головой, стараясь не расплакаться. Она была очень хороша в тонком белом джемпере и светлых брюках в обтяжку. Ее по-весеннему легкая курточка висела на спинке стула вместе с сумкой из модной коллекции. Этот непритязательный «простенький» наряд стоил кучу денег, которые далеко не каждый позволит себе мимоходом потратить.

Лавров подумал, что Катя – не только счастливая обладательница, но и в определенной степени жертва своего богатства. Наличие у женщины большого состояния заставляет сомневаться в искренности претендентов на ее чувства.

«Зато ты – жертва своей чертовой работы! – ехидно заме-

тил второй Лавров. – Ты прикидывался влюбленным, и тебе удалось заморочить Кате голову. Она страдает по твоей вине!»

– Я бывший опер, Катя, – сердито заявил он. – Бывший охранник, бывший начальник службы безопасности. Всюду *бывший*. Тебе будет стыдно появиться со мной в обществе, к которому ты привыкла.

– Я отвыкла от общества.

– Я герой не твоего романа…

– Откуда тебе знать? – вздохнула она. – Ты обещал, что возьмешь меня в помощницы, и мы вместе будем ловить маньяков. Одного ты уже поймал. Он хотел убить меня и убил бы, если бы не ты.

Лавров горько рассмеялся. Легко раздавать обещания. А вот как их выполнить? Он получил от Катиного отца внушительную сумму за свою работу, которая позволяла ему бездельничать некоторое время. Но что потом, когда деньги кончатся?

– Я подумываю открыть детективное агентство. Ты могла бы стать моей секретаршей. Если отец тебе разрешит.

– Отличная идея, – робко улыбнулась Катя. – За чем же дело стало?

– Есть существенное препятствие.

– Какое?

– Мне лень заниматься сыском. Мне все надоело. Вообще все!

Он поманил рукой официантку и заказал себе двойной кофе без сахара, а Кате – молочный коктейль.

– По-моему, интересно быть детективом, – сказала она, ковыряя вилкой недоеденное пирожное. – Раскрывать запутанные преступления, которые не по зубам полиции. Распознать убийцу под маской обычного человека и подготовить ему ловушку.

– Ты ошибаешься. Шпионить за гулящими женами и разоблачать неверных мужей – сплошная скука. А именно этим и зарабатывают на жизнь частные сыщики.

– Только этим? – расстроилась Катя.

– В основном. Теперь ты меня понимаешь?

– Ты же говорил, что твое хобби – ловить маньяков.

– Я врал. Чтобы произвести на тебя впечатление.

Как ранее Лавров пытался понравиться ей, так сейчас ему хотелось показать себя в самом невыгодном свете и тем оттолкнуть ее. Не мог же он прямо заявить: «Катя, я не люблю тебя! Поэтому оставь меня в покое и займись кем-то более перспективным!»

– Завтра моя подруга устраивает вечеринку в ночном клубе, – обронила она. – Мне не с кем пойти. Составишь компанию?

У него язык не повернулся сказать «нет»…

Глава 2

Дневник Уну

Я с детства ненавидела зеркала и боялась их. Мне казалось, в их серебристой глубине таится смерть. Помню, как я первый раз взглянула в зеркало и ужаснулась тому, что увидела. Невозможно описать словами овладевшее мною чувство – то был дикий, панический страх и еще нечто… подобное гипнотическому трансу. Не в силах оторваться от зеркала, я поспешно разбила его. Я не ощущала боли, хотя порезала руку до крови. Кровь текла по моей ладони, по пальцам, капала на пол, где валялись осколки…

В моей голове возникли странные звуки – шум или глухая

речь. Кто-то нашептывал мне слова на непонятном языке.

– Ах ты, маленькая дрянь! – истошно завопила женщина, которую я должна была называть матерью. – Что ты натворила? Разбила мое любимое зеркало! Дрянь! Дрянь!

Она колотила меня, выкрикивая ругательства. Удары градом сыпались на мою спину и плечи. Я уткнулась лицом в стену и сжала зубы.

– В кого она уродилась? – спрашивала мать прибежавшего на крики отца. – Ты погляди на нее! Разбила мое зеркало и хоть бы хны!

– Я думал, она бутылку разбила, – с облегчением пробормотал он. – Черт с ним, с зеркалом, Лорик, идем промочим горло. У меня заначка есть.

– Как это, черт с ним? Где я новое возьму? Денег даже на спички не осталось!

Услышав про выпивку, мать быстро остыла, плюнула на окровавленные осколки и удалилась на кухню.

– Собери стекло, – угрюмо велел мне брат. – Не то малышня порежется. Босые ведь бегают.

Тапочки в нашей многодетной семье считались излишней роскошью, а одежда переходила «по наследству» от старших к младшим. Я всегда ходила в обносках.

Жизнь представлялась мне каким-то мутным и мучительным процессом, где нет места радости, а по любому поводу возникают скандалы и драки. То, что мои родители беспросветные алкоголики, я узнала много позже от чужих людей,

которые жалели несчастных, вечно голодных оборвышей, – то бишь меня и моих братьев и сестер.

Будучи ребенком, я наивно полагала, что все живут так же, как мы, и не роптала. Рабочий поселок, в котором меня угораздило родиться, существовал за счет большого химического завода. Когда заводу понадобилось переоснащение, чтобы он перестал отравлять окружающую среду, на нем попросту поставили крест. Жители поселка лишились опасной, но все-таки кормившей их работы и начали угасать. Кто мог, уехал, а оставшиеся медленно деградировали, спивались и плодили детей, до которых никому не было дела. Никто не задумывался о нашем будущем.

Я не видела от родителей ни ласки, ни заботы, постоянно ощущая, что я им в тягость. Сестры и братья, которых у меня было пятеро, недолюбливали друг друга и частенько устраивали потасовки. Драться могли из-за чего угодно, от липкой карамельки до какой-нибудь мало-мальски приличной вещицы. Я не принимала в этом участия из боязни, причины которой не понимала. Забияки меня не трогали, я привыкла к своему особому статусу и принимала «неприкосновенность» как должное. Руку на меня поднимала только мать, и то изредка. В первый раз она поколотила меня за разбитое зеркало, но не смогла отбить у меня охоту уничтожать предметы, где я могла увидеть свое отражение.

– Вот уродина! – твердила она, собирая осколки пудреницы или буфетного стекла. – Ты гляди, Лерик, на эту тварюку!

Опять от нее убыток! Может, придушить ее? Или в лес свести и сказать, что заблудилась! Пошла по грибы и сгинула. А, Лерик? Сколько она кровь нашу пить будет?

Отец мычал в ответ ругательства и махал волосатой лапой. Это означало, что его не интересует моя судьба, а мать не умела принимать самостоятельных решений. Благодаря ее слабому характеру я и выжила.

Папаше с мамашей было плевать на детей. Единственное, что имело для них значение, – это спиртное. Выпивка заменяла им все, чем живут люди. Я смутно помню их серые одутловатые лица и визгливые голоса, сопровождаемые звоном стаканов. Они остались в моей памяти косматыми чудовищами по имени Лорик и Лерик. В свидетельстве о рождении, которое я захватила с собой, уезжая из дома навсегда, записаны их настоящие имена – Лариса и Валерий. Эти люди не вызывали в моей душе никакого светлого отклика, ничего, кроме отвращения.

Школы в поселке не было, ее закрыли. За учениками приезжал автобус, чтобы отвезти их в соседний городок. С каждым годом учеников становилось все меньше.

Когда мне исполнилось семь, я не умела ни читать, ни писать. Со мной никто не занимался, меня не учили азбуке, не читали мне вслух, не рассказывали сказок на ночь. Засыпая, я слышала пьяные вопли взрослых или ссоры братьев и сестер, которые не ладили между собой. Наше ужасное существование должно было бы сплотить нас, но получалось на-

оборот. Мы видели друг в друге соперников, чуть ли не врагов.

Стоило мне подойти к кому-нибудь, как брат или сестра прогоняли меня с криками: «Чего уставилась, образина? Убирайся! Не то получишь!»

Я привыкла к одиночеству среди шумной компании, где на меня обращали внимание только затем, чтобы обозвать и прогнать. Друзей у меня не было. Я пошла в первый класс безграмотной неотесанной девчонкой, одетой не по размеру и не по сезону. Косички я заплетала себе сама, как умела. В школе надо мной сначала смеялись, потом стали избегать. Учителя старались не вызывать меня к доске, дети не допускали до своих игр. Вокруг меня образовалась та же пустота, что и дома.

Я с трудом выдержала пару месяцев, а потом разбила камнем зеркало в раздевалке. Уборщица заметила мою проделку и нажаловалась директрисе.

Директриса за руку привела меня в учительскую и с брезгливой миной спросила:

– Где твои родители, Усова?

– Дома… – промямлила я.

– Я вызову их в школу. Пусть знают, что ты натворила! Теперь им придется возмещать ущерб. Они должны вернуть деньги за разбитое зеркало.

– У них нет денег.

– Вот как? – разозлилась директриса. – Что же, мне на

свою зарплату зеркало покупать?

– Они все пропивают, – простодушно сказала я. – У нас даже свет грозились отключить за неуплату. Воду-то давно отключили. Мы из колодца таскаем.

– Ясно, почему ты грязнуля и замарашка! Посмотри на себя! Волосы немытые, одежда не стирана. И пахнет от тебя, Усова, помойкой! Мало я с твоими братьями маюсь, так еще ты на мою голову свалилась. Ты же девочка, Усова! Тебе не стыдно хулиганить?

– Стыдно…

Меня в самом деле одолевал стыд, но из-за своего внешнего вида, а не из-за зеркала. Я подумала, что к зеркалам мне лучше вообще не подходить, держаться от них подальше. Иначе…

– Что ты молчишь? – взвилась директриса. – Язык проглотила?

– Нет.

– Посмотри на меня, Усова! Я хочу видеть твои глаза!

Этого приказа я не могла выполнить. Мне казалось, что, если я подчинюсь ее требованию, случится нечто непоправимое. Я закусила губы и стояла, низко склонив голову и вперившись в пол. Каждая щербинка того деревянного пола в учительской навсегда врезалась в мою память. Доски были выкрашены ядовито-коричневой краской, все в отметинах от женских каблуков.

Прозвучал звонок, и директриса заторопилась, встала,

взяла классный журнал, указку и погрозила мне пальцем.

– Смотри, Усова! Будешь безобразничать, отчислю тебя из школы с провальной характеристикой. Твое место – в интернате для умственно отсталых. Ладно, иди на урок. Потом поговорим.

Я не совсем поняла смысл ее слов, но настроение у меня испортилось. Мое уныние достигло пика, за которым брезжила полная апатия. Мне стало почти безразлично, куда меня отправят. Интернат, так интернат. Вряд ли где-нибудь со мной будут обращаться хуже, чем дома.

Смутная неосознанная надежда на лучшее не позволила мне скатиться на самое дно отчаяния. Не помню, приходила моя мать в школу или нет, но меня оставили в покое с тем злосчастным зеркалом. Училась я из рук вон плохо. Предметы давались мне туго. Я сидела за партой, изнывая от скуки, и предавалась своим мыслям. Передо мной маячило тусклое будущее. То ли неведомый интернат, то ли жалкая жизнь в семье, если так можно было назвать Лорика с Лериком и их отпрысков.

Я рано познала одиночество и неприкаянность. Детство, которое вызывает у людей ностальгию, для меня осталось темным пятном, куда я предпочитаю не возвращаться мысленно.

Беспросветные дни шли своим чередом. Я ходила в ненавистную школу, презираемая сверстниками и учителями. Полагаю, меня переводили из класса в класс, чтобы поско-

рее избавиться от нерадивой и угрюмой ученицы. Когда я подросла, до меня дошло, что меня не только не любят, но и побаиваются. Я решила, что причина того – моя внешность.

У нас дома не осталось зеркал, которые я могла бы разбить. А в других местах я старалась не смотреться в них. Мне нравилось отражение в витринах, скрывающее мои недостатки, но и там я себя пристально не разглядывала. Скользну взглядом по нескладному силуэту, и довольно.

Я не задумывалась, что со мной не так. Меня мало заботили другие девочки и мальчики, которых я считала существами из другого мира, куда мне путь заказан. Я мечтала о нескольких простых вещах: наесться досыта, купить себе новую одежду и каждый день мыться. Запах хорошего мыла, шампуней и духов приводил меня в трепет. Я ходила в парфюмерный отдел магазина, как ходят в музеи, и наслаждалась видом и запахом выставленных на витринах товаров. Продавцы сердито косились на меня и внимательно наблюдали, чтобы я их не обокрала. Признаться, у меня появлялось желание стащить кусок душистого мыла или тюбик зубной пасты, но я подавляла в себе дурные наклонности. У меня не было денег, но я не воровка.

Верила ли я в чудо, способное обмануть мою безрадостную судьбу? Не знаю. Я не задумывалась о чудесах. Моя голова была занята куда более прозаическими мыслями. Я думала, как мне выжить и не скатиться в пропасть, куда уже катились мои братья, пристрастившиеся к выпивке и куре-

ву. Иногда и мне хотелось отхлебнуть самогона и забыться хоть на час. Я попробовала, но вкус этого пойла оказался настолько ужасен, что меня стошнило.

Братья долго гоготали и дразнили меня «лошихой». Потом они сделали самокрутки с какой-то вонючей травой, выкурили и отключились. В тот день мать праздновала день рождения, и гости упились вусмерть. Между отцом и соседом дядей Витей завязался скандал. Они что-то не поделили, начали драться. Дядя Витя ударил отца гантелей по голове. Я от страха забилась в угол и молча слушала, как мать причитает в кухне. Они с дядей Витей уложили отца на диван, а его окровавленную голову обмотали мокрым грязным полотенцем. К утру он умер.

Жутко было видеть его вытянутое неподвижное тело в майке и спортивных штанах, голые желтые ступни, синее лицо и запекшуюся на макушке кровь.

Я плохо помню, как приехала милиция… как забрали дядю Витю, как по нашим комнатам ходили какие-то люди, стыдили мать и жалели «несчастных детишек» – меня и двух моих сестер-малолеток, а старших братьев обзывали бандитами и наркоманами.

Потом все стихло. Отца похоронили. И мы зажили по-прежнему. Теперь мать пила одна или со случайными собутыльниками. Зимой мне было не в чем ходить в школу: сапоги прохудились, а новые купить было не на что. Соседка, жена дяди Вити, принесла свои. Она плакала и говорила, что

из-за нас ее муж сел в тюрьму, но сапоги все-таки дала и велела мне носить.

Я искренне радовалась за нее и не понимала причины ее горя. Ведь дядя Витя больше не пропивал все деньги и не бил ее.

Без отца жить стало проще. По крайней мере, мне. На меня совершенно перестали обращать внимание, и я была предоставлена сама себе. Братья уехали на заработки, да так и сгинули. Больше я их не видела. Мне тоже хотелось уехать из нашего поселка куда-нибудь далеко-далеко, но где было взять денег на билеты?

Участь бродяжки казалась мне более привлекательной, чем домашнее прозябание. Новые места, новые люди, новые впечатления. Возможно, я бы сбежала из дому, но тут вмешался случай, который круто изменил мою судьбу.

В поселок приехал один человек. Он подбирал молодых девушек для своего шоу. В здании бывшего заводского клуба ему отвели комнату с пыльными шторами и письменным столом. Он сидел за столом, а в комнату по одной входили девчонки, желающие уехать из Новохимска куда глаза глядят. Человек задавал им вопросы, они отвечали. В коридоре образовалась длинная очередь.

Я не знала точно, что означает слово «шоу», и представляла себе цирковое представление, где красиво одетые артисты исполняют разные сложные трюки. Из всех развлечений мне был доступен лишь старый цветной телевизор, который

нельзя было продать и пропить ввиду его полной негодности. Изображение двоилось, дрожало и «снежило». Этот телевизор стал моим окном в чужой сказочный мир, куда я не чаяла попасть.

В клуб я отправилась не с целью поучаствовать в отборе, а чисто из любопытства. Не часто у нас появлялись приезжие из самой Москвы. Можно сказать, никогда. Что им делать в хиреющем вокруг мертвой громады завода поселке?

– Ты чего явилась? – подняли меня на смех претендентки. – Мала еще! И фейсом не вышла. Тебя не возьмут.

– Мне уже четырнадцать…

Дружный хохот оглушил меня, и я, как всегда, спряталась в свой кокон, замкнулась. Ко мне быстро потеряли интерес. Я удивилась, как много у нас в поселке пригожих девушек. Мне казалось, что по улицам бродят одни алкоголики и старики, доживающие свой век. Оказывается, это не так.

Я села на откидной стул рядом с дверью в заветную комнату, куда входили претендентки в надежде получить завидную работу…

Черный Лог

Глория разгадала смысл своих повторяющихся снов. Ее сны – это путь, которым она идет в параллельной реальности. Дорога ее заблуждений и пристрастий. Стоит ей забыться, и она попадает в бесконечную анфиладу комнат или в сад с бесчисленными тропками. Там разгуливают неожиданные персонажи, которые населяют ее подсознание. Только там она может видеть их и говорить с ними.

– Я был уверен, что ты сама все поймешь, моя царица! – заявил карлик. – Иначе судьба не подарила бы нам встречу на закате моих дней.

Он имел обыкновение вырастать будто из-под земли и вести себя как ни в чем не бывало. Словно он не умер на руках у Глории, а продолжал жить и здравствовать. Она давно перестала пугаться и скучала по нему, если он долго не появлялся.

– Я урод, но не дурак, – засмеялся карлик, ловя на лету ее мысли. – Тебе со мной не скучно. Правда?

– От тебя ничего не скроешь.

– В этом нет нужды.

– Знаешь, ты красив, – вдруг абсолютно искренне сказала Глория. – У тебя лицо Нарцисса…

– …а туловище тролля! – подхватил он. – Разве ты не замечаешь, насколько я безобразен? Я мал ростом, мои плечи

непомерно широки, руки как у орангутанга, а ноги короткие и кривые.

– Я привыкла видеть тебя таким, Агафон. Мне все нравится.

– Хвала Всевышнему, я хотя бы не горбат!

– Ты умен и мудр. Эти два качества не всегда уживаются в одном человеке.

– Ум – коварная штука, – развеселился карлик. – Без него плохо, а с ним порой бывает еще хуже. Я много размышлял о том, как от него избавиться. Это не просто.

Глория молча наблюдала за его ужимками. Иногда он нарочно кривлялся и паясничал, а иногда обретал невозмутимость. Ей бы научиться так управлять эмоциями. Надо – они выстреливают фейерверком, не надо – прячутся, будто их и нет.

Глория призналась себе, что по-хорошему завидует Агафону. Он в избытке обладал тем, чего не хватало Лаврову. Его физические недостатки терялись на фоне душевных достоинств.

– Не представляю, чтобы я делала без тебя, – вырвалось у нее.

Карлик расцвел от удовольствия, хотя он легко мог оставаться непроницаемым ни для похвал, ни для порицаний.

– Я рядом, – с нежностью произнес он. – Даже когда ты меня не видишь.

Глория чуть не заплакала и устыдилась своей сентимен-

тальности. Агафон деликатно отвел глаза.

– У тебя все хорошо, – сказал он после долгой паузы. – Ты преодолела самое трудное. Перед тобой – более-менее ясная перспектива. Кстати, как тебе живется в моем доме? Прости, теперь это твой дом. В мире все так зыбко, так быстро меняется. Не успеваешь отслеживать.

– Это наш дом. Я хочу прожить в нем до самого конца.

– Конец – всего лишь иллюзия, – возразил карлик. – Как и начало.

– Мы ходим по кругу?

– Отчасти. Пусть тебя это не расстраивает. Наматывая круги, мы получаем опыт…

Последние слова Агафона Глория не услышала. Она уснула. В ее спальне горел ночник, за окном светили крупные звезды. Она знала, что увидит их во сне, в призрачном саду, где обнаженная женщина сидит на берегу пруда и выливает воду из двух кувшинов…

Чтобы наполнить их вновь!..

Глава 3

Москва

– Знакомься, это моя подруга Дора, – представила Катя молодую особу с экстравагантной прической.

Одна половина ее головы была выбрита, другая завита мелкими русыми спиральками. Спиральки спускались на голое плечо Доры. Ее платье представляло собой прозрачную белую сорочку на тонких бретелях, под которой проглядывало черное белье.

– Роман, – вежливо поклонился Лавров.

Глаза Доры были густо подведены, губы лоснились помадой с блестками. Шея, запястья и пальцы были унизаны до-

рогой бижутерией. Будь это настоящие драгоценности, к Доре следовало бы приставить охрану.

Ночной клуб «Фишка» посещали обеспеченные люди. Один коктейль или чашечка кофе здесь стоили недешево. Лавров злился, что позволил Кате затащить себя сюда. Он терпеть не мог подобные тусовки. «Сливки общества» оказывались на поверку вздорными и высокомерными, а то и откровенно скандальными людьми. От них можно ожидать любой провокации. Наверняка некоторые балуются кокаином и злоупотребляют выпивкой.

– Рада тебя видеть, Кэт, – протянула в нос Дора и тряхнула спиральками. От нее за версту несло сладкими духами и абсентом.

Роман сразу почуял этот горьковатый полынный аромат, смешанный с запахом помады и жасмина.

– Слышала, ты разводишься?

– Да, – кивнула Катя, опираясь на руку своего спутника.

– Это твой новый бойфренд?

– Это мой друг.

– Ясненько, – прищурилась Дора, смерив его оценивающим взглядом. – Он ничего. Красавчик! Везет тебе, подруга. Что ни мужик, то глаз не отведешь.

Лавров внутренне поморщился, но смолчал. Дора как выглядит, так и ведет себя. Она не признает «устоев» и попирает «приличия». Такое у нее кредо.

– Осторожнее с ней, – прошептала Катя, когда Дора оста-

вила их и кинулась встречать вновь пришедших: высокую худущую барышню модельной внешности и тучного мужчину ей по плечо.

– А что, твоя Дора кусается?

– Она ужасная скандалистка. Если что не по ней – устраивает жуткий дебош. Бьет посуду, кидается чем ни попадя. Но в глубине души она чувствительная и ранимая. Просто у нее личная жизнь не складывается.

«Можно подумать, у других личная жизнь в шоколаде, – мысленно парировал Лавров. – Например, у меня или у Катюхи… или у той длиннющей модели, которая кокетничает со своим пузатым кавалером. Небось, ее тошнит, а она изображает любовную страсть!»

– По какому поводу вечеринка? – сухо осведомился он.

– Вероятно, Дора подцепила кого-то, надеется выйти замуж. Ей уже двадцать семь.

– Это помолвка?

– Презентация очередного жениха, – кивнула Катя. – Дора обожает покрасоваться.

– И много их было?

– Порядочно. У Доры есть деньги, но она ищет состоятельного мужа. Чтобы не сел на шею.

Лавров обвел взглядом разодетую публику. Кое-кто уже успел набраться, остальные вяло переговаривались. Женщины делились сплетнями, мужчины поглядывали на стриптизершу, которая извивалась у шеста.

– Дора несчастливая, – доверительно сообщила Катя, увлекая Лаврова к отведенному им столику. – Ее преследует рок!

– Тяжелый? Барышня любит рок-музыкантов, а они сплошь увлекаются наркотой и разрушают свои творческие личности?

– Я имела в виду – роковое стечение обстоятельств.

– А-а! Это другое дело.

Его раздражало здесь все – от грудастой стриптизерши до назойливой музыки и мелькающих огней. Зря он уступил Кате и притащился в этот чертов клуб. От нечего делать Роман разглядывал публику – исподволь, чтобы дамы и господа не заметили и, чего доброго, не возмутились.

– Ты не понимаешь, – покачала головой Катя. – Она жаловалась мне, что к ней боятся свататься.

– Не мудрено. С таким характером нелегко найти себе мужа.

– Дело не в характере.

– А в чем? За Дорой дают мало приданого? Всего-то какую-нибудь ювелирную фирму или пару-тройку ресторанов?

– Ты циник, – нахмурилась Катя.

Она была прелестна в тонком летящем коралловом платье, и от нее по-прежнему пахло фиалковыми духами. Ей приходилось повышать голос, чтобы перекричать музыку.

– Дора уже потеряла двух женихов, – сообщила она, нагнувшись через столик к Роману, и он увидел в вырезе ее

платья округлые крепкие груди, которые не нуждались в поддержке бюстгальтера. – Один отправился в горы и попал под лавину, а второй…

Стриптизерша ловким движением сбросила прозрачную блузку, и восторженные мужские возгласы помешали Лаврову услышать концовку фразы.

– Что? – переспросил он.

– Куда ты смотришь?

– На тебя.

– А по-моему, на нее. – Катя сидела к сцене спиной, но догадалась, куда направлен взгляд ее визави. – Кстати, вблизи девица страшненькая. Краска, блестки, силикон и солярий! За душой ни гроша, и больная мама в Конотопе, которой нужны деньги на лекарства.

– Откуда ты знаешь? – усмехнулся он.

– Можешь заменить Конотоп на Нижневартовск, а больную маму – на брата-инвалида. В остальном все сходится. Спорим?

– Ты злая.

– Циник и злюка! Чем не подходящая пара?

Лаврову стало неловко за нее. Он с удовольствием бы сбежал из этого заведения, стилизованного под игорный клуб. Впрочем, не исключено, что здесь имеется потайное казино для доверенных лиц. Где-нибудь за стеной или в подвальном зале, куда допускают только избранных.

– Давай уйдем, – предложил он Кате, но та вдруг откину-

лась на спинку стула и расплылась в любезной улыбке.

Лавров обернулся. К ним приближалась Дора под руку с мужчиной лет тридцати. Он был чуть выше ее, подтянутый, с короткой черной бородкой и орлиным носом. В манжетах его рубашки сверкали бриллиантовые запонки.

«Цирконий», – подумал сыщик и недовольно покосился на Катю.

– Генрих, мой жених, – с сияющим лицом объявила Дора. – Знакомьтесь.

Лавров представился с натянутой любезностью. Катя подала Генриху руку для поцелуя. На ее запястье переливался браслет с гранатами.

Едва Генрих коснулся губами руки Кати, Дора увлекла его прочь знакомить с другими гостями.

– Ты была права, это презентация, – буркнул Лавров, когда жених и невеста удалились. – Генрих похож на артиста.

– Вряд ли Дору выдадут за человека столь легкомысленной профессии.

– Кто ее родители?

– Отец занимается коммерцией, а мама – домохозяйка. В прошлом дикторша на ТВ. Дора была проблемным подростком: пила, погуливала. Мечтала стать стилистом, но так и не выучилась. Потом взялась рисовать. Организовала собственную выставку.

– На деньги папика?

– Не на свои же? Дора не работает. Прожигает жизнь в

ночных клубах, тусуется на всяких богемных сборищах. Называет себя свободной художницей.

– Ты видела ее картины?

– Я не разбираюсь в живописи, но… по-моему, жуткая мазня. Курица лапой лучше нарисует.

Катя захихикала. Лавров с недовольной гримасой отставил в сторону коктейль – зеленоватую бурду отвратительного вкуса.

– Ну и гадость!

– Дорина живопись?

– Это пойло, которое ты попросила заказать.

– Извини. Я думала, тебе понравится.

Стриптизерша закончила танец и удалилась. Гости, разгоряченные эротикой и спиртными напитками, развлекались кто как мог. Лавров наблюдал за Дорой, которая всем по очереди показывала своего жениха. Она была под хмельком, Генрих поддерживал ее за талию. Если бы не он, невеста могла бы упасть. Дора качалась на здоровенных шпильках, как тонкое деревце на ветру.

– Она перебрала абсента, – заметила Катя.

– Я понял.

– Таким, как Дора, трудно найти общий язык с окружающими.

– А кто обещал легкую жизнь?

Лавров слушал болтовню Кати и сожалел, что сидит здесь, а не проводит время с Глорией в Черном Логе. Почему он от-

казался работать с ней? Верно, что худший из грехов – гордыня.

«Я не хотел быть мальчиком на побегушках, а превратился в мальчика по вызову, – корил он себя. – Катя наверняка рассчитывает продолжить вечеринку у себя в квартире. Я обязан проводить ее, а там…»

– О чем ты задумался?

– Интересная у тебя подруга, – выкрутился Роман.

– Знаешь, как ее полное имя? Айседора. Так звали жену поэта Есенина. Отец Доры в молодости зачитывался Есениным.

– Айседора была танцовщицей и трагически погибла. Она села в автомобиль, а ее шарф попал в колесо. Минута – и все было кончено.

– Шарф затянулся на ее шее? – удивленно спросила Катя.

– Да. Жуткая случайность.

– Жизнь – это рулетка! Так говорит Дора…

* * *

Генрих нервничал и постоянно оглядывался. У него пересохло в горле, и он выпил пару фужеров шампанского. Но тревога не проходила.

Дора заметила его нервозность.

– Что с тобой?

– Туфли жмут, – скривился жених. – Я натер ноги.

– Какие проблемы? Сними обувь и ходи босиком.

– В носках? – ужаснулся Генрих. – Здесь, в клубе?

– Можно без носков. В конце концов, мы – дети природы. Я охотно составлю тебе компанию.

Не дожидаясь его согласия, она рванула ремешки модных босоножек и осталась босиком. Ярко-желтые босоножки остались лежать на ковре, словно две птицы с длинными острыми клювами-каблуками.

– Это не обязательно… – мямлил Генрих, стараясь не вертеть головой по сторонам. Его шея напряглась, и воротник сорочки впился в кожу. Он с трудом расстегнул верхнюю пуговку.

– Да у тебя руки дрожат! Что-то случилось?

– Нет… нет… не обращай внимания, дорогая. Я просто немного волнуюсь. Не хочу ударить в грязь лицом перед твоими друзьями.

– Перед этими, что ли? Плюнь на них! Хочешь, я разденусь и буду танцевать голая вместо стриптизерши?

– Что ты!.. Не надо!.. – испугался Генрих.

– Идем со мной! – Дора потянула его за руку к помосту, где уже устраивалось инструментальное трио.

Генрих упирался. Он так и не осмелился сбросить туфли. Если честно, причина его беспокойства была в другом. Он сам не понимал, что его вдруг «закрутило». Он чувствовал себя прекрасно, пока… пока…

Генрих пытался сообразить, чего он боится, и не мог. Ему

мешала Дора, которая своими действиями нарушала ход его мыслей. У него не получалось сосредоточиться. В ушах нарастал странный звон, воздуха не хватало. Куда бы он ни повернулся, повсюду натыкался на любопытные взгляды гостей.

Они с Дорой представляли забавную пару. Не удивительно, что на них смотрят.

Генрих ощутил, как по его спине катится ледяной пот, и дернулся. Невеста крепко вцепилась в его руку и не отпускала.

– Боже мой, дорогая… – бормотал он. – Умоляю, не надо… что о нас подумают?..

– Плевать!

– Дора… Дора…

– Привыкай, милый, – улыбалась она, пробираясь между столиками. – Со мной не заскучаешь.

Трио музыкантов – пианист, саксофонист и скрипач – заняли свои места на освещенной эстраде, куда рвалась Дора. Генриху стало по-настоящему плохо. Что она делает? Шампанское ударило ему в голову, перед глазами все плыло.

Публика увлеклась новым представлением. Кое-кто вставал, чтобы лучше видеть Дору и ее жениха. Некоторые подбадривали невесту криками и хлопками.

– Что сейчас будет… – протянула Катя, показывая Лаврову на подругу. – Ох, и закатит Дора сцену! Закачаешься!

Лавров не разделял ее восторга. Женщины, подобные До-

ре, раздражали его. Ему было жаль Генриха, над которым откровенно потешались. Сыщик чувствовал себя чужим здесь, среди роскошных дам и состоятельных мужчин. Эпатажные личности, которых в зале хватало, тоже не вдохновляли его. Он не признавал крайностей и предпочитал золотую середину.

Настроение публики было ему не по душе. Благополучие и большие деньги порой делают людей неуправляемыми. Те ищут приключений на свою голову и вовлекают в эту опасную орбиту других. Им все нипочем.

– Не нравится мне это…

– Ты о чем? – улыбнулась Катя.

– Кто такой Генрих? На бизнесмена он не похож, на мажора тоже.

Чутье бывшего опера подсказывало Лаврову, что зреет беда. Что-то в самой атмосфере зала, в возбужденных возгласах гостей, в надрыве, с которым Дора обращалась с женихом, настораживало его. Он пробежался взглядом по лицам присутствующих. Жаль, что он не умеет читать их мысли, как Глория. Впрочем, когда людей много в замкнутом пространстве, легко спутать, кто о чем думает. Это густой суп из обрывков фраз и образов.

Вон та блондинка в платье с декольте до пупка явно расстроена. Вероятно, тот, кого она надеялась здесь встретить, не пришел. Вон тот молодой человек озабочен, где бы раздобыть дозу. Вон та накрашенная дама бальзаковского возрас-

та завидует юной девушке с тонкой талией и свежей кожей. Господин с брюшком в распаленном воображении раздевает спутницу своего соседа…

Один мужчина привлек внимание Лаврова демонической внешностью. У него были волнистые черные волосы, выразительные черты и высокий лоб. Костюм сидел на нем как влитой. Развернувшись вполоборота, он широкой грудью загораживал свою даму.

– Кто это стоит там, у колонны?

– Где? – вытянула шею Катя. – А! Знаю… господин Красовский. Таинственная личность. Никому доподлинно неизвестно, как он зарабатывает деньги. Иногда занимается биржевыми спекуляциями. Женат. Живет уединенно, закрыто. Что еще?.. Пользуется успехом у женщин, но относится к ним равнодушно. Ко всем, кроме жены. Везде появляется только с ней… либо один. О нем ходят разные слухи.

– Какие?

– Мне не хочется сплетничать.

– Барышня рядом с ним – его жена?

– Да, кажется. Мне не видно. Она намного моложе… красавица, но умом не блещет. Молчунья. Красовскому такая и нужна. Говорят, они обожают друг друга.

Между тем Дора взобралась на эстраду, потеснив музыкантов. Пианист сидел за роялем и с веселым недоумением наблюдал за ней. Скрипач стоял, опустив скрипку и смычок. Лысый паренек с саксофоном попятился.

Генрих выглядел поникшим и бледным. Он смахивал со лба испарину и качался, как пьяный. Дора выставила его на всеобщее обозрение. Никто не понимал, зачем она вытащила жениха на сцену.

– Давай, Дора! Зажги! – кричали ей из-за столиков.

– Музыку! – потребовала она.

Генрих с радостью убежал бы прочь, не держи она его за руку. Он был словно не в себе. Дора, одурманенная абсентом, собиралась раздеться и станцевать с ним брачный танец. Это было в ее духе.

Пианист приготовился. Скрипач потрогал струны смычком, раздалось несколько жалобных звуков. Скрипка постанывала от нетерпения. Лысый поднес мундштук саксофона к губам. Зал стих в преддверии небывалого развлечения. Когда стриптиз показывает девушка из высшего общества, это не то же самое, что танец профессионалок.

– От Доры можно ожидать чего угодно, – обронила Катя. – Не жалеешь, что пришел со мной?

– Нет, – прошептал Лавров.

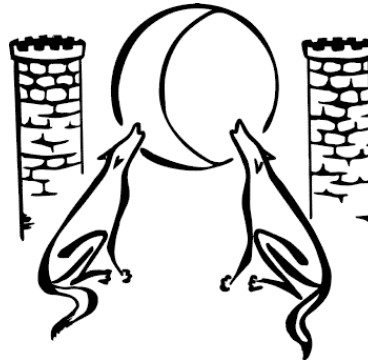
Генрих побледнел от избытка чувств, он чудом держался на ногах. Дора приподняла подол платья и вызвала этим плотоядный вздох в зале.

– Неужели, ее никто не остановит? – раздалось у Лаврова за спиной. – Она же пьяна!

Он не успел повернуться, потому что в тот же миг скрипач взмахнул смычком, пианист коснулся клавиш, протяжно за-

пел саксофон, Дора начала танец и выпустила руку Генриха. Тот дернулся, будто пронзенный электрическим разрядом, и с грохотом рухнул вниз…

Глава 4



Дневник Уну

Скрипнула дверь, и в коридоре показался человек, который проводил отбор девушек для своего шоу.

– Много вас еще?

Я вскочила. Меня охватило радостное возбуждение, будто перед Новым годом. К слову, я всего пару раз в жизни получала от Деда Мороза конфеты в нарядной упаковке, и те у меня отбирали братья.

Я низко опустила голову, боясь, что меня прогонят, да еще вдобавок отругают. Но красивые кожаные туфли приблизились и замерли рядом с моими рваными кроссовками.

– Ну, чего испугалась? – строго произнес мужской голос.

Я ничего не смогла выдавить. Губы онемели, язык прилип к нёбу, ладони вспотели, а в горле образовался комок. Я смотрела на туфли и молчала.

– Как тебя зовут? – спросил мужчина. – Не бойся, говори.

По моему нескладному телу прокатилась дрожь. Что это был за голос! Бархатный, с нотками удивления и довольства. Привыкшая к брани и хмельным крикам, я была поражена и очарована.

– Инна! Инна! – раздалось с разных сторон. – Ее зовут Инна!

– Уродина! – вставил кто-то из моих конкуренток.

– Чучело!

– Кто это сказал? – рассердился мужчина.

Собравшиеся в коридоре девчонки притихли. Никто не признался. Мужчина протянул руку и коснулся моего подбородка. По моим щекам текли слезы. Казалось, я разучилась обижаться. Меня столько раз обзывали, оскорбляли и дразнили, что я перестала реагировать. Мне было все равно. Но в этот миг во мне проснулось чувство собственного достоинства.

Мужчина опустил руку, и я мельком увидела перстень на его пальце. Это был черный камень в золотой оправе, совершенно круглый и гладкий. Гораздо позже мне стало известно, что такая огранка называется кабошон.

Перстень заворожил меня. Я чуть не потеряла сознание.

– Что с тобой? – воскликнул мужчина, когда я начала оседать на пол.

Он подхватил меня на руки и понес. В моей голове зашумело, последнее, что я услышала, были фразы:

– Она, наверное, хлебнула для смелости…

– Нанюхалась…

Меня поглотила тьма, прорезываемая странными звуками. В нос ударил резкий неприятный запах.

– Нашатырь подействовал, – произнес кто-то надо мной. – Она пришла в себя.

– Что это было, доктор?

– Глубокий обморок. Вероятно, от голода. Видите, какая она худышка? Кожа и кости. Она из неблагополучной семьи. Мать – горькая пьяница. Ее давно пора лишить родительских прав. У нее на уме только водка.

– Где они живут? Могу я поговорить с ее матерью?

– Не советую. Это конченая алкоголичка. С утра до вечера не просыхает. Вишь, до чего довела девчонку? Я бы таких…

Доктор не договорил и махнул рукой.

– Надо отвезти ее домой, – произнес обладатель перстня.

– Я отвезу, – предложил доктор.

– Спасибо, но я все же хочу взглянуть на ее родню. Я сам отвезу ее.

– Как хотите. Ее братья – наркоманы и бандюги, – добавил доктор. – Мы все перекрестились, когда они уехали из поселка. Яблочко от яблоньки недалеко падает.

Что-то звякнуло, щелкнуло, и раздались шаги. Это доктор покинул комнату с пыльными шторами. Я лежала на казенном диване и боялась пошевелиться. Меня тошнило, голова кружилась. Не хватало еще вырвать! Мне часто приходилось вытирать блевотину за матерью, и я знала, как это неприятно.

Обладатель перстня опустился на стул и погладил меня по волосам.

– Тебе лучше?

– Да… – выдохнула я. – Я хочу пить…

Через минуту у моих губ оказался граненый стакан, и в рот потекла холодная вода. Она была солоноватая и колючая. Я сделала несколько глотков и закашлялась.

Мужчина приподнял мне голову и вытер мой подбородок.

– Ты еще совсем ребенок…

– Мне… уже четырнадцать.

– Отлично, – одобрил он, словно возраст являлся моей заслугой. – Мы понимаем друг друга. Не так ли?

– Понимаем.

Я отчаянно желала одного: чтобы он увез меня из этого ужасного места навсегда. Чтобы я никогда больше не вернулась в этот отравленный химикатами угасающий поселок, к этой опустившейся женщине, которая считается моей матерью, в это провонявшее табачным дымом и перегаром грязное логово, которое и квартирой-то назвать нельзя. Ночлежка, кишащая тараканами и клопами.

Тогда я не могла выражать свои мысли связно и думала лишь о том, чтобы спастись. Бегство было моим спасением.

– Ты сможешь идти? – спросил меня обладатель перстня.

– Попробую…

Я приподнялась и села. Комната пришла в движение. Пол, потолок и стены закружились, к горлу подкатил комок.

– Ой!.. Меня сейчас стошнит…

– Возьми мятную конфету и вставай, – сказал он. – Нам пора ехать.

– Куда?

– К тебе домой. Где ты живешь?

– Я не хочу домой…

– Это необходимо.

– Нет! – заплакала я. – Я не поеду! Заберите меня с собой… или убейте.

– Ты готова расстаться с жизнью, лишь бы не возвращаться в свою семью?

– У меня нет семьи.

Я смутно помню, как он помог мне сесть в машину, как мы добирались до нашего облупленного трехэтажного дома с черными ржавыми балконами и давно не мытыми окнами. Я сидела на переднем сиденье и боролась с дурнотой. Сдерживала слезы. Молилась.

На ум приходили странные слова, смысл которых оставался скрытым. Вероятно, то был какой-то чужой язык. Чужие гортанные звуки возникали в моем воспаленном мозгу, ме-

шались с запахом дыма…

– Ничего, что я курю? – покосился на меня водитель.

– Красивое кольцо, – пробормотала я, не отрывая глаз от перстня. – Что это за камень?

Мужчина засмеялся и сказал:

– Приехали. Ну, веди меня. Надеюсь, твоя мамаша окажется трезвой.

– Это бывает очень редко.

Мы поднялись по темной заплеванной лестнице на третий этаж. В подъезде пахло мышами и мочой.

– Бедняжка, – покачал головой обладатель перстня. – Я вытащу тебя отсюда.

– Обещаете? – просияла я.

– Это ваша дверь?

Он нажал на кнопку звонка, но тот не работал. Тогда он постучал. Громко, настойчиво.

– У нас всегда открыто, – робко вымолвила я и потянула дверь на себя. В квартире раздавался храп. – С тех пор, как умер отец, некому починить замок.

– От чего он умер?

– Его дядя Витя убил, наш сосед. Он теперь сидит.

– Чудесно, – усмехнулся мужчина. – Надеюсь, твоя мать в здравом уме?

– Она напилась и спит.

В неубранной прихожей валялись пустые бутылки. Он переступил через них и зашагал вперед, в комнату. Мать лежа-

ла навзничь на засаленных диванных подушках и храпела. Отекшая, синяя, с выступающей на губах слюной. Ее платье задралось, ноги в дырявых колготах были разбросаны. Мои младшие сестры играли на полу, подражая взрослым, – наливали из бутылки воду в пластиковые стаканчики и поили своих кукол, у которых недоставало рук и ног.

При виде нас они испуганно сбились в кучку, но быстро осмелели и начали клянчить еду. Мужчина предусмотрительно захватил с собой пакетик конфет. Дети с восторгом набросились на угощение. Они не умели говорить спасибо и только счастливо косились на нас.

Обладатель перстня с трудом растолкал пьяную мать. Она не понимала, ни где она находится, ни чего от нее хотят. Ее лицо приобрело мало-мальски осмысленное выражение, лишь когда она увидела деньги в руках незнакомца.

– Я забираю твою дочь, – заявил он. – Она получит хорошую работу, и тебе не придется тратиться на нее.

Мать кивала, не отрывая глаз от денег. Она готова была продать меня кому угодно, лишь бы вожделенные купюры перекочевали от незнакомца к ней.

– Распишись, – потребовал он, достал из папки лист бумаги с готовым текстом, протянул матери ручку и указал, где ей следует поставить подпись.

Кажется, до нее кое-что дошло. Она подняла на меня заплывшие щелочки-глаза и икнула от удивления.

– Ты б-берешь ее? Эту у-уродину?

– Да! Да! Я забираю ее насовсем. Больше она не станет тебе докучать. Давай, подписывайся, что отдаешь девочку мне, твоему родственнику, на воспитание. Потому что не можешь ее содержать.

– На кой она т-тебе сдалась?

– Это уж мое дело.

Мать потянулась за деньгами, но незнакомец проворно подсунул ей бумагу. Ее пальцы дрожали, и она, с трудом держа ручку, нацарапала внизу свою фамилию.

Мне было невдомек, что в этот миг решается моя судьба и что мать заключает с незнакомцем сделку, предметом которой являюсь я…

– Что это с ним? – улыбнулась Катя. – Напился до чертиков?

– Схожу, взгляну, – вздохнул Лавров.

Ему не нравилось то, как повела себя Дора, и особенно то, как странно рухнул с эстрады ее незадачливый жених.

– Я с тобой!

– Оставайся на месте, Катя, – приказал он. – Без тебя зевак хватает.

Вокруг лежащего ничком Генриха уже сгрудились гости. Прибежали охранники клуба – два добрых молодца в одинаковых костюмах.

– Расступитесь! Ему нужен воздух! – истерически выкрикивала дама бальзаковского возраста в красном, чрезмерно узком для ее фигуры платье. – Ему нечем дышать!

Музыка смолкла. Дора перестала задирать подол, показывая публике свои тощие ляжки. Она наклонилась и смотрела, что делает на полу ее суженый. Тот не подавал признаков жизни, и невеста издала пронзительный вопль. Она схватилась за голову и покачнулась. Скрипач бросился к ней на помощь.

– Его нужно перевернуть, – важно изрек тучный господин, уставившись на распростертого в нелепой позе Генриха. – Иначе он задохнется.

Охранники, похожие друг на друга, словно два брата-близнеца, собрались выполнить его рекомендацию и дружно нагнулись.

– Не советую ничего трогать! – осадил их Лавров. – Особенно тело!

– Тело?! – взвизгнула дама бальзаковского возраста. – Он что, разбился насмерть?

– Помилуйте, тут едва полметра будет… – возразил голос из публики.

Посыпались реплики:

– Не может быть!..

– Он головой об пол ударился…

– Сотрясение мозга…

– Какой ужас…

– Он не шевелится…

– Вызовите врача!.. «Скорую»!..

– Где администрация?.. Примите же меры!..

– Человек умирает!..

– Спокойно, господа, – произнес Лавров, опускаясь на корточки рядом с Генрихом. – Сейчас разберемся. Не мешайте мне.

Люди замолчали и расступились, освобождая место. Было слышно, как воет Дора и монотонно бормочет скрипач, успокаивая ее. Где-то в зале разбился бокал или тарелка. Кто-то из гостей взобрался на стул, чтобы лучше видеть. Кто-то вышел на сцену с той же целью.

Роман заметил, что Генрих сильно вспотел. Его рубашка под мышками намокла и потемнела. Он не дышал. Нога неловко подвернулась, руки раскинуты. Внешне на теле незаметно каких-либо повреждений.

«Помилуй, Рома, какие повреждения? – захихикал внутренний критик. – Все случилось у тебя на глазах. Рядом с этим чуваком никого близко не было, кроме Доры. На помост он вышел вполне живым, а рухнул на пол мертвым. Он умер *до того*, как упал! Помнишь, как он побледнел и дернулся? Будто его прошила автоматная очередь».

– Стрельбы не было, – пробормотал сыщик. – И крови нет.

Действительно, Генрих лежал на полу, но не было видно ни капли крови. Что же выходит? Инсульт? Инфаркт? Отравление?

Лавров не мог нащупать пульса и приложил пальцы к шее Генриха, надеясь ощутить хотя бы слабые толчки. Напрасно.

– Он сломал себе шейные позвонки, когда упал… – раздалось у него за спиной.

– Кто-нибудь вызвал неотложку? – спросил женский голос.

– Похоже, надо звонить в полицию…

Сквозь толпу пробирался администратор клуба – мужчина средних лет, холеный, упитанный, в белоснежной рубашке с бабочкой. Его лоб лоснился от пота.

– Что случилось?.. Пропустите!..

Он увидел лежащего человека и крикнул охранникам, ко-

торые стояли, растерянно глядя на тело:

– Петя, Игорь! Что с ним?

Верзилы пожимали накачанными плечами.

– Упал, кажись…

– *Кажись!* – злобно передразнил администратор и полез в карман за платком вытереть лоб. – Он живой?.. «Скорую» вызвали?.. Как он упал? Откуда?

– Оттуда, – один из парней показал пальцем на эстраду, где в объятиях скрипача билась в рыданиях Дора.

– Они танцевали, – нервно подсказала дама бальзаковского возраста. – Вернее, Дора хотела станцевать… а он вдруг дернулся и… свалился вниз.

– Как подкошенный, – добавила блондинка с низким декольте.

– Похоже, он мертв, – заявил Лавров. – Пульса нет.

– Как нет? – всполошился администратор. – Как нет?! Этого только не хватало! Это же… это…

Роман испугался, как бы еще и его не хватил удар.

– Не волнуйтесь вы так. Что есть, то есть. Уже ничего нельзя исправить.

– Где врач? Врача вызвали?

– Вызвали, – доложил один из охранников. – Ждем.

– Может, он живой еще? – пискнула блондинка.

– Кто-нибудь умеет делать искусственное дыхание? – робко поинтересовалась дама бальзаковского возраста. – Его надо перевернуть и…

– Не надо, – покачал головой Лавров.

– Вы кто такой? – взвился администратор. – Что вы тут командуете? Мы обязаны оказать пострадавшему первую помощь!.. Отойдите прочь!.. Не мешайте!..

– Я бы его не трогал, – буркнул второй охранник. – Мало ли, чего он упал.

– Ты на что намекаешь?

– Массаж сердца делать бессмысленно. Он того… похоже, преставился.

Администратор всплеснул руками и опять полез за платком. Лавров подошел к нему вплотную и шепнул:

– Человека могли отравить. Немедленно выясните, что он ел, что пил. Следует позаботиться об остальных людях. Они тоже могут пострадать. Вдруг яд находился в не одном бокале, а в нескольких?

– Да вы… с ума сошли! – побагровел администратор, однако поманил пальцем охранника с бейджиком «Петр» и дал ему какое-то поручение.

Тот бросился исполнять…

Глава 5

То, чтобы молодой мужчина убился насмерть, свалившись с полуметровой высоты, едва ли возможно. Конечно, в жизни всякое бывает. Но…

Лавров доверял своей интуиции. Он был почти уверен, что смерть Генриха наступила раньше, чем тот упал.

– Что тебе удалось выяснить? – пристал он к охраннику, который носился по залу, как угорелый. – Пострадавший ел блюда, приготовленные в вашем ресторане?

– Все ели. Гости успели попробовать закуски и напитки, но с ними, слава Богу, ничего не случилось. А с чего вы взяли, что произошло отравление?

– Я хочу это исключить.

– Да, конечно.

Лавров представился другом семьи Дудинских, тем самым пояснив, почему всюду сует свой нос.

– Я не обязан отвечать вам, – предупредил охранник. – Меня могут уволить за разглашение. Репутация нашего клуба…

– Мой близкий приятель – корреспондент теленовостей, – перебил Лавров. – Вы же не хотите, чтобы я сейчас же сообщил ему о происшествии в клубе «Фишка»? Думаю, его это заинтересует.

Молодой человек передернул мощными плечами и пошел на попятную.

– Я не отказываюсь говорить, я просто забочусь о наших гостях. Любая огласка для них неприемлема. Вы же понимаете… не все посещают ночной клуб с женами и мужьями, и нам бы не хотелось…

– В зале лежит мертвый человек! – оборвал его сыщик. – Никому не удастся сохранить инкогнито. Особенно если сюда нагрянет полиция.

– С ними наш босс договорится. Впрочем, ладно. Я готов оказать вам посильную помощь. Разумеется, в рамках своих полномочий.

– На большее я не претендую, – улыбнулся Лавров. – Итак. Что пил и ел жених госпожи Дудинской?

– Вероятно, то же, что и остальные. А пил… кажется, только шампанское. У нас напитки дорогие, высшего каче-

ства. Известные марки.

– Где это шампанское?

– Дмитрий Сергеич приказал немедленно собрать еду и выпивку и вынести в кухню.

– Дмитрий Сергеич?

– Наш администратор, – пояснил Петр. – Он всеми силами постарается замять скандал. Надеюсь, несчастье с клиентом произошло не по нашей вине. Я не допускаю мысли, что…

– Закуски, вода и спиртное стояли открытые и доступные для любого человека в зале. Кроме того, есть еще обслуга и повар.

– У нас проверенный персонал, – возразил охранник. – В наш клуб берут на работу надежных людей.

– А за посетителей вы можете поручиться?

– Нет, но…

– Где фужеры, из которых пил шампанское пострадавший?

– Вероятно, в мойке. Пустую посуду положено немедленно убирать.

– Ясно. Вы их не нашли.

– Как их найдешь? Другие тоже пили шампанское. Фужеры перемешалась.

Лавров по опыту знал, что подобный опрос – пустое дело. Никто не скажет, с кем Генрих пил, куда он отлучался, кто к нему подходил. Хотя внимание присутствующих и было приковано к Доре и ее жениху, но этот интерес был иного

свойства, отнюдь не криминального.

Когда Дора успокоится и придет в себя, можно будет поговорить с ней.

Кто-то коснулся его локтя, и он резко обернулся.

– Ты еще долго? – спросила Катя. Она казалась растерянной и огорченной. – Я хочу домой. Ужасно, что все так закончилось. Неужели Генрих…

– Катя, прости, – спохватился Лавров. – Подожди меня за столиком. Я скоро освобожусь и отвезу тебя.

По залу прокатился шумок, в дверях показалась реанимационная бригада и полицейские, которые приехали почти одновременно. Первыми к телу подпустили врачей. Они осмотрели лежащего Генриха и вынесли неутешительный вердикт:

– Нам тут делать нечего.

По словам медиков, смерть наступила около получаса назад. Никаких видимых повреждений на теле не обнаружено. Похоже на остановку сердца. Точнее покажет вскрытие.

Криминалисты пришли к тому же мнению. Они наскоро расспросили свидетелей и объявили, что до вскрытия никаких заявлений делать не будут.

Медицинская помощь понадобилась Доре и даме бальзаковского возраста, у которой подскочило давление.

Тело Генриха забрали в морг, администратор вздохнул с облегчением, удрученные гости начали разъезжаться.

– Надо взять Дору в твою машину, – сказала Катя, когда

Лавров вернулся за столик. – Можно вызвать ей такси, но я бы не оставила ее одну в таком состоянии.

– Как скажешь.

– Бедная! Представляю, каково ей сейчас.

– Ей сделали успокоительный укол. Она в порядке.

– Действие лекарства пройдет, и тогда Дора окажется наедине со своей трагедией. Вместо свадьбы придется устраивать похороны. Может, над ней, правда, тяготеет проклятие?

Роман подумал о Глории, но тут же прогнал от себя коварную мысль. Ему-то какое дело до Доры и смерти ее жениха? Он просто ищет повод встретиться с женщиной, которая к нему безразлична. На что он рассчитывает?

– У тебя же есть знакомая ясновидящая, – вспомнила Катя. – Может, Доре обратиться к ней?

– Зачем?

– У нее умирает уже третий жених! Твоя знакомая умеет… снимать порчу или как там у них это называется?

– Не знаю.

– Но ведь в моем случае она оказалась на высоте.

– Раз на раз не приходится.

– Мы обязаны помочь Доре! – настаивала Катя.

– Она нас ни о чем не просила, – рассердился Лавров.

– Она убита горем…

– Дора сильно любила этого Генриха?

– Она очень хотела выйти замуж.

Во время разговора сыщик продолжал наблюдать за пуб-

ликой. Сработала привычка бывшего опера держать ситуацию под контролем. Одновременно он перебирал в уме собственные ощущения. Заметил ли он сам что-нибудь подозрительное? Пожалуй, нет. Откуда же у него возникло предчувствие беды?

Может, смерть заранее сообщает о себе тому, кто способен ее услышать?

– Ты думаешь, Генриха убили? – вдруг спросила Катя.

– Скорее всего, у него случился обычный сердечный приступ. Ужасно некстати.

– Как будто приступы случаются кстати!

– Тебе что-нибудь известно о Генрихе, кроме того, что он жених Доры?

– Совсем немного. Его фамилия Семирадский, он предприниматель. Я впервые увидела его сегодня на вечеринке. Дора решила сделать нам сюрприз.

– Ей это удалось.

– Она молчала, чтобы не сглазить предстоящее замужество. Третья попытка! Я имею в виду свадьбу.

– А чем окончились первые две? Тоже смертью претендентов на руку и сердце Доры?

– Я же тебе говорила, что первый жених увлекался альпинизмом и его накрыла лавина. А второй утонул в Красном море.

– Любитель дайвинга?

– Наверное. Я не выясняла подробностей. Теперь вот Ген-

рих.

– Прямо рок какой-то, – усмехнулся Лавров. – От Доры мужикам надо держаться подальше.

– Это не смешно.

– Разве я смеюсь? Должно быть, кто-то против замужества Доры. У нее есть сестры, братья?

– Она одна у родителей.

– Богатая наследница?

– Я чужих денег не считаю, – вздохнула Катя. – Но Дудинские не бедствуют.

– Ну да, на последние гроши таких помолвок не закатывают.

– Ладно, хватит болтать, идем к Доре.

Они нашли безутешную невесту на диване в комнате отдыха. Глаза Доры опухли от слез, макияж потек, нос покраснел, волосы потеряли блеск. Она дремала. Рядом в кресле скучал один из охранников-близнецов с бейджиком «Игорь». Завидев Катю с Лавровым, он оживился.

– Вы доставите ее домой? Сама она не доедет. Нужен сопровождающий.

Дора лежала босая, в мятом платье, весь ее лоск улетучился. На усталом лице виднелись веснушки и красные пятнышки на лбу и щеках.

– Она сможет идти?

– Ей вкатили большую дозу транквилизатора, – сообщил Игорь. – Она засыпает. Если надо, я помогу донести ее до

машины.

Дора оставалась безучастной. Она слышала, о чем говорят, но у нее не было сил даже пальцем пошевелить…

* * *

Глория с удовольствием доедала мамины пельмени. Та сидела напротив и делилась последними новостями.

– Помнишь Генриха Семирадского? Вы учились вместе в медицинском.

– Конечно, помню. Он был стоматологом в частной клинике, потом открыл свой кабинет. Мы давно не виделись.

Глория еще не закончила фразу, как перед ней возникло лежащее лицом вниз безжизненное тело мужчины в светлой рубашке и темных брюках. Она поперхнулась, закашлялась и отодвинула тарелку. Аппетит пропал.

– Генрих умер, – сказала мать. – Звонила твоя однокурсница, спрашивала тебя. Ты пойдешь на похороны?

– Он умер? Ты ничего не напутала?

Глория задавала вопросы, хотя ответ был ей известен.

– Помилуй, речь идет о похоронах. Как я могу напутать? Если хочешь, позвони и сама все узнай. Ты общаешься с кем-нибудь или по-прежнему живешь затворницей?

– Я уехала из Москвы для того, чтобы уединиться.

– Тебе не кажется, что твое уединение затянулось?

– Ма, не начинай.

Мать укоризненно вздохнула и поправила волосы. Она всегда так делала, когда поведение дочери не соответствовало ее ожиданиям. Кто бы мог подумать, что ее красавица Глория рано овдовеет, променяет Москву на глухую деревню и слышать не захочет о новом замужестве. А ведь она еще молода, умна и не лишена амбиций. Хотя теперь уже непонятно, остались ли амбиции.

– Тебе надо бывать в обществе.

– Ма, у меня есть все, что нужно. Поверь!

– Деньги не заменят счастья, доченька. Ты спохватишься, но будет поздно.

– Я не о деньгах, ма, – улыбнулась Глория.

– Слава Богу, твой Толик не оставил тебя без средств. О покойных плохо не говорят, но…

– Вот и не говори, – перебила дочь.

– Ладно, ладно.

Мать нахмурилась и уставилась в окно. Молчание длилось не более минуты. За это время Глория успела понять достаточно. Ее родители страдают из-за того, что она живет «не по правилам». Ребенок должен стать продолжением родителей, во всяком случае, они ждали внуков, которые скрасили бы наступающую старость. А Глория, кажется, не собирается рожать. Она не стала врачом, как они надеялись, и прозябает в подмосковном лесу, вместо того, чтобы блистать в столице.

– На твои деньги ты могла бы…

– Ма!

– Молчу, – обиделась та. – Тебе слова не скажи. Все-то ты знаешь, все делаешь по-своему. А мы с отцом тебе не чужие! Мы тебе добра хотим!

– Когда похороны?

Мать осеклась и сердито сдвинула брови. Дочка ясно дала понять, что не нуждается в ее наставлениях. Как быстро она выросла!.. Как неумолимо летят вперед годы!..

– Завтра. Это где-то за городом. Московские кладбища переполнены. Ты бы позвонила Ирише, уточнила время.

Ириша – студенческая подруга Глории осталась в прошлом, как и вся ее жизнь до Черного Лога. Ей не хотелось ворошить былое. Она ни с кем не встречалась, никому не звонила. В Черном Логе не брала сотовая связь. Такое уж там место.

– Бедный Генрих, – прослезилась мать. – Ему бы жить да жить. Ириша сказала, у него отлично шли дела. Он занимался поставками медицинского оборудования для стоматологических клиник. И вдруг случилось это несчастье…

– Ты же не из-за Генриха плачешь, ма. Тебе горько, что твоя дочь выросла упрямая и непутевая. Так?

Родительница затихла. В кухне повисло настороженное молчание. Между матерью и дочерью пробежал холодок.

– Что ты говоришь? Как у тебя язык поворачивается?

Глория слушала притворные причитания матери, но картина перед ней развертывалась совершенно другая. Генрих рядом с какой-то нелепой барышней, которая виляет сухими

бедрами и задирает подол модного платья. Вот он, еще живой стоит, вне себя от смущения. А вот он падает…

– Генриха убили? – вырвалось у Глории.

– Нет! С чего ты взяла? У него случился сердечный приступ. Прямо во время помолвки. Генрих собирался жениться. Он наконец-то нашел себе невесту. Какая трагедия! Умереть накануне собственной свадьбы!

– Генриха убили, – повторила дочь. – Спасибо за пельмени. Я, пожалуй, пойду.

– Уже? – опешила мать. – Отец скоро вернется с прогулки. Ты его не дождешься?

– Прости. В другой раз.

– Когда это будет? Через полгода? Ты совсем нас забросила. Даже в праздники не навещаешь…

Но Глория ее не слушала. Она оставила на полке в прихожей деньги, чтобы родители ни в чем себе не отказывали, и торопливо накинула плащ.

– Пока, ма! Не экономьте, пожалуйста. Толик был плохим зятем, но умел хорошо зарабатывать. Благодаря ему мы обеспечены.

– Ты слишком легко одета, – бросила ей в спину мать. – Гляди, простудишься. Апрель нынче холодный.

– Я на машине.

Она бегом спустилась во двор, где скучал в «аутлендере» Санта, и велела ехать в бюро ритуальных услуг.

– Кто-то умер? – деловито осведомился слуга. – Надеюсь,

не ваши почтенные родственники, Глория Артуровна?

– Нет.

– Хвала Всевышнему!

Весна в этом году сильно запоздала. В городе еще лежал снег. Всюду капало. Текли ручьи. Небо было пасмурное. Но в воздухе ощущалось приближение тепла, а на оттаявших газонах зеленела травка.

Эта робкая травка, пережившая зиму, почему-то напомнила Глории о Лаврове. Открыл он свое детективное агентство или нет?

– Он еще думает, – произнесла она вслух.

– Кто, Всевышний? – обернулся к ней Санта.

«Аутлендер» притормозил и свернул на парковочную площадку, избавив Глорию от необходимости отвечать. Впрочем, слуга привык, что его вопросы остаются без ответа, и не напрягался по сему поводу. Его бывший хозяин карлик Агафон приучил Санту ко всякого рода странностям.

В ритуальном бюро Глория выбрала огромную корзину белых гвоздик с траурной лентой, и Санта понес цветы в машину.

Глория представила себе похороны: вырытая в глинистой земле яма, лакированный гроб, желтое лицо Генриха с закрытыми глазами… плачущие дамы в трауре, заунывная музыка. Среди пришедших проводить Генриха в последний путь она вдруг заметила… Лаврова.

– Вот где мы с тобой встретимся, Рома, – пробормотала

она.

Слуга установил корзину в багажнике, и салон наполнился сладковатым запахом свежих гвоздик. Аромат смерти…

– Поехали, – скомандовала Глория, усаживаясь.

– На кладбище?

– Туда еще рано. На Шаболовку, в мою квартиру. Давненько я туда не заглядывала.

Пока «аутлендер» ехал по запруженным транспортом улицам, она прислушивалась к себе. Не кольнет ли в сердце иголка ревности? Не вспыхнет ли мимолетная досада? Злость на мужчину, который предал?

– Глупости, – шептала она, глядя на мелькающие за окнами дома и голые скверы. На город, охваченный предвкушением весны. – Мне нет дела до того, где он и с кем.

Санта деликатно помалкивал. Крутил баранку. Он тоже поддался гипнозу апреля, и его душа встрепенулась…

Глава 6

Дневник Уну

Мы покинули поселок в машине обладателя перстня – я и еще две девушки, отобранные для непонятного шоу. Что это за «представление», мне по дороге объяснили мои товарки. Их звали Дина и Люба. Мы поневоле подружились, ведь нам предстояло провести вместе много часов в салоне минивэна, который принадлежал нашему боссу.

Мы назвали его Хозяином. А он дал нам трем смешные прозвища: Хаса, Тахме и Уну. Последнее, самое некрасивое, досталось конечно же мне.

– Он не русский, – шепотом заметила Дина-Хаса. – Мо-

жет, нас везут вовсе не в Москву, а в Турцию? Чтобы продать в гарем?

– Ага! – скривилась Люба-Тахме. – В Арабские Эмираты! Чтобы выдать замуж за шейхов! Все, что нам светит, это дешевый публичный дом. На большее мы не годимся. Но я и этому рада. Мой отчим пьет и постоянно тащит меня в постель. Клиенты хотя бы будут платить нам деньги, а этот норовил бесплатно попользоваться.

– Мать ревнует?

– Еще как! Грозилась выгнать меня из дому, если я стану крутить перед ним задницей.

– А ты крутила?

– Нужен он мне, слизняк вонючий! Глаза зальет и лапает своими клешнями. Бр-р-ррр! У меня аж мурашки по коже.

– Кто знает, какой клиент попадется? – зябко поежилась Хаса. – В борделе выбирать будем не мы, а нас.

– Почему вы решили, что нас отобрали для борделя? – не выдержала я.

– А для чего же? По-твоему, нас возьмут в кино сниматься? Или в шоу-бизнес определят? Ты на себя в зеркало смотрела, малявка?

– Я ненавижу зеркала.

– Не мудрено! – захихикали девушки. Они освоились, осмелели и расслабились. Будущее казалось им далеким и туманным, как горные вершины в ночной мгле. Зато поездка сулила массу удовольствий.

– Не понимаю, чем ты ему приглянулась, – искренне недоумевала Хаса по поводу меня. – С твоей внешностью даже в борделе делать нечего.

– Я не хочу в бордель.

– Ты, небось, целка еще? Кто на тебя позарится? С братьями не кувыркалась? Они у тебя бандюги и наркоши. Неужели ты с ними не…

– Нет! – взвизгнула я, ошалев от такого предположения. Братья меня дразнили, третировали, понукали, отбирали накопленные копейки, но иного себе не позволяли. – Ничего не было! Мне нельзя!

– Нельзя ей, – беззлобно бросила Тахме. – Уймись, дура!

– Пошла ты…

– Ого! Она огрызаться умеет. Ты слышала, Хаса?

Девушки быстро привыкли к своим прозвищам, как будто их с детства так звали. Лишь я не сразу научилась откликаться на Уну. В этой новой жизни мне все давалось с трудом.

Когда Хозяин повел нас в районный универмаг покупать одежду, я дольше всех возилась в примерочной. Меня подгоняли, надо мной посмеивались. Наконец мы переоделись. Я с наслаждением сбросила поношенные лохмотья и облачилась в темные брюки, серый свитер и курточку.

– На кого ты похожа? – переглядывались девушки. – На облезлую мышь! Ничего поярче не нашлось?

Хозяин не вмешивался в наши перепалки, ни за кого не вступался, никого не одергивал. Он заранее предупредил

нас, что драк не потерпит и забияку незамедлительно вернет домой. Худшей угрозы нельзя было изобрести. Поэтому мы не переступали черту.

Денег у нас не было, и мы находились на полном иждивении Хозяина. Он нас кормил, снимал нам номер в придорожных гостиницах – один на троих. Не знаю, как другие, а я была счастлива. Впервые за свою короткую жизнь я мылась в нормальном душе, вытиралась чистым полотенцем и спала на свежих простынях. Это казалось мне раем. Если бы не мысль о борделе, которую заронили в мой ум Хаса и Тахме, я бы ощущала истинное блаженство.

Я не только не выносила зеркал. На секс с мужчиной тоже было наложено внутреннее табу. Я еще не ведала, почему. Моя мать не стеснялась заниматься «этим» с собутыльниками после совместных возлияний. Дети ей не мешали. Она с животной простотой отдавалась на наших глазах таким же пьяницам, как сама. Мы относились к сексу с пониманием. Это была часть нашего существования, от которой никуда не деться.

Я не смотрела в Интернете порно по причине отсутствия у нас компьютера и денег на посещение компьютерного салона. Зато акт соития множество раз совершался в моем присутствии, и я питала к нему отвращение, но не смущение. Слово «бордель» всколыхнуло воспоминания и активизировало мое табу. Секс так же выходил за рамки моей судьбы, как и зеркала.

Я была малограмотна и туповата, но знала, что такое проституция. Неужели моя мечта вырваться из нищеты разобьется о продажный секс? Я едва вошла в пору отрочества, и мои мысли были наивны, примитивны с нынешней точки зрения. Но даже тогда я опиралась на собственное кредо и подчинялась собственной логике. Эта логика говорила мне, что я не смогу стать проституткой, сколько бы мне ни платили. Мое кредо подразумевало нравственную и телесную чистоту. Я обязана была хранить себя для чего-то иного. Вопросом «Для чего именно?» я до поры до времени не задавалась.

У меня был один выход – улучить подходящий момент и бежать. Куда я пойду? На какие средства буду жить? Это отошло на второй план по сравнению с побегом. Сначала надо вырваться от Хозяина, а потом думать, как быть дальше.

Я приступила к подготовке. Вместо того, чтобы тратить время на пустую болтовню со своими спутницами, я сидела и размышляла. Прежде чем уснуть, я придумывала способ за способом, которые затем отметала. Ни один не казался мне надежным.

– Грустишь, Уну? – заметил Хозяин. – По матери соскучилась?

– По сестрам, – выкрутилась я. – Как они там без меня? Небось, голодают.

– У каждого – свой путь.

– Мне их жаль…

– Ты лучше себя пожалей.

Я хотела спросить про бордель, но слова застревали у меня в горле. Если Хозяин догадается о моих планах, мне не удастся их осуществить. Он не из тех, кто упускает добычу.

– Почему вы отправились за нами в такую даль? Типа, в Москве мало народу?

– Москва кишит людьми, – рассмеялся Хозяин. – Ты ахнешь, когда увидишь.

Я нахмурилась, потому что он ушел от ответа. Мне стало страшно.

– Ты огорчена, Уну?

– Меня вообще-то зовут Инна.

– Инна… Уну… звучит похоже.

– Я бы не сказала. Человеку дают имя при рождении. Зачем его менять?

– У человека может быть несколько имен. И несколько рождений.

– А смертей?

– Девять, как у кошки, – пошутил Хозяин. – Не грусти, малышка. Ты еще совсем ребенок. Кстати, тебе стоит подружиться со смертью.

– Как это? – оторопела я.

– Когда существует нечто неизбежное, лучше примириться с этим заранее.

Я вообразила, что он собирается бросить трех несчастных девчонок на растерзание диким зверям. Может, наша смерть

и есть то самое шоу, ради которого нас отобрали среди других претенденток? Этакий экстремальный цирк, где звери не пляшут под дудочку дрессировщика, а рвут на части человеческую плоть?

У Хозяина были холодные бесчувственные глаза. Такой способен на все. Ради денег, ради выгоды, ради сладкой жизни. Не зря же он прикатил на вербовку в забытый Богом поселок? Не зря побывал в наших семьях и убедился, что никто нас искать не будет! Что мы не только не нужны родителям, но даже мешаем им. Что они будут рады от нас избавиться. Не зря он заплатил за нас деньги, словно покупал себе рабов.

Какой там бордель?! Нам уготована более жуткая участь: мучительная кончина на потеху богатой публике. Ничего нового. Я видела по ящику современную испанскую корриду и кровавые зрелища, которыми развлекался Древний Рим.

Вероятно, мои горячечные мысли отразились на моем лице.

– Что с тобой? – спросил он, взял меня за подбородок и прищурился. – Чего испугалась? Побледнела. А тебе идет бледность.

– Вы… нас убьете?

Он сначала не понял, откуда в моей голове возник этот вопрос. Потом захохотал. Долго, раскатисто. Словно по комнате рассыпались мириады острых льдинок. Смех его оборвался внезапно, и наступила гнетущая тишина.

– Ты чертовски догадлива, Уну. Пожалуй, я не ошибся в

тебе.

– Значит, убьете?

– Я работаю со смертью, – сухо молвил он. – Мы в некотором роде сообщники. Я служу ей, она – мне.

Мое желание бежать после этого разговора еще сильнее укрепилось. Я не хотела становиться мясом для чужих забав. Оказывается, мне было что терять. Я оценила то, чем раньше пренебрегала. Я думала, жизнь – это пытка. Но мне стало жаль прекращать свои страдания!

Я ничего не сказала девчонкам. Пусть надеются, что им светит перспектива продавать свое юное тело похотливым мужикам. Да они бы мне и не поверили. Они считали меня тупицей и чучелом. Я заплатила им молчанием.

С того момента, как Хозяин обмолвился о *смерти*, я закрыла рот на замок. Меня перестали обижать поддразнивания Хасы и Тахме. Это было мелко и незначительно по сравнению с тем, что я узнала. Теперь меня заботило одно: побег…

* * *

Лавров не поверил своим глазам, когда увидел на кладбище… Глорию. Ее-то каким ветром сюда занесло?

«Она следит за мной! – обдало его жаром. – Хотя вряд ли. Я выдаю желаемое за действительное. Это со мной не впервые, когда дело касается Глории. Однако нужно подойти

к ней…»

Он обрадовался, что не взял с собой Катю. Та настаивала, но он решительно отказал. Его не поколебал даже весомый аргумент, что Дора обидится.

«Ей не до обид, – возразил он. – А ты свяжешь мне руки. Мало ли как развернутся события».

Катя нехотя согласилась. Она боялась повредить тонкую ниточку, которая, завязавшись, обещала снова соединить их.

«Я делаю это только ради тебя, – сказал он Кате. – Ради твоей дружбы с Дорой. Просто погляжу, не придет ли на церемонию кто-нибудь подозрительный».

Чего он никак не ожидал, так это встретить здесь Глорию. Она держалась поодаль от одетой в траур толпы и выглядела опечаленной.

На похороны Генриха Семирадского собралось много людей. Лавров уже выяснил, что тот имел отношение к стоматологии и весьма преуспел на этом поприще. Из родственников у него были мать и брат, которые по закону наследовали имущество покойного.

Судя по репликам, Генрих на здоровье не жаловался, и его скоропостижная смерть вызвала недоумение и самые разные толки.

Вскрытие показало, что Генрих умер от остановки сердца. Лавров поговорил с экспертом, и тот не оставил камня на камне от его предположений.

«Никаких признаков отравления. Никаких следов от инъ-

екции. Об убийстве забудь, Рома. Разве что погибшему подмешали в еду или питье какой-нибудь сильнодействующий яд, который распадается в организме без остатка. Особый сердечный препарат, например. Однако действие такого препарата не мгновенно. А соответствующий яд в аптеке не продается, его достать надобно. Зачем такие ухищрения, когда есть куча простых способов убрать человека?»

«Может, провести повторное исследование? – не сдавался Роман. – Более тщательное? Использовать какие-нибудь новые реактивы? Я понимаю, что это денег стоит, но…»

«Господин Дудинский заплатил за самую тщательную экспертизу, – перебил патологоанатом. – Мы сделали все по совести. Можешь не сомневаться. Смерть жениха была естественной. Не повезло мужику. А тебя что, наняли вести расследование? Зря, ей-богу! Никакого криминала ты не нароешь, поверь моему опыту. Я в судебной медицине не первый день».

Лавров и сам это понимал не хуже эксперта. Но Катя умоляла его разобраться, и он дал слабину, согласился искать умысел там, где его не могло быть.

Теперь вот околачивался на кладбище, слушал слезливые речи и ловил фразы присутствующих. Вдруг что-нибудь проскочит?

Солнце слепило, но не грело. Дул ветер. Листья на кустах и деревьях только начали распускаться. Из мокрой земли лезли посаженные на могилках нарциссы и тюльпаны. Все

позднее, мелкое, робкое. Дамы, которые стремились даже в трауре соперничать друг с другом, то и дело поправляли шляпки. Многие были в темных очках.

Священник махал кадилом, что-то долго гнусавил над гробом. Потом гроб опустили в яму и принялись засыпать. Комья земли с глухим стуком падали на крышку. Кто-то всхлипывал, кто-то бормотал слова прощания. Дору на церемонию не пустили врачи. У нее случился нервный срыв, и жениха хоронили без нее.

– Бедняжка… – перешептывались женщины. – Вместо свадьбы пришлось поминки заказывать…

– Говорят, в том же ресторане…

– Кто бы мог подумать…

– Черная вдова…

Лавров обернулся на голос, выглядывая, кто это сказал. Черная вдова – роковая женщина, которая губит влюбленных в нее мужчин. После смерти Генриха к Доре приклеится репутация «черной вдовы», и ее шансы на замужество сойдут на нет. Никто не захочет рисковать.

– Первый-то ее тоже… сыграл в ящик…

– Разбился в горах…

– И второй, – тихо обменивались репликами за спиной у Лаврова.

– Утопился…

– Генрих – уже третий!..

– Ох, беда! Беда…

– Доре надо в монастырь ехать, к вещему старцу… грехи отмаливать…

– К экстрасенсам надо идти… они помогут…

– Попробуй найти настоящего специалиста, а не мошенника…

– У меня адресок есть…

– Нынче жулья развелось, хоть косой коси…

– Лапшу вешают да денежки стригут…

Роман медленно пробирался к Глории. Она стояла со скорбной миной и делала вид, что не замечает его. Прямая, в элегантной черной накидке, в черном кружевном платке. Накидку развевал ветер, непослушные пряди волос выбивались из-под платка.

– Здравствуй! – бросил он и взял Глорию под руку. – Тебе идет траур.

– Как ты здесь оказался? – сердито покосилась она.

– А ты?

– Генрих Семирадский – мой однокашник. Учились вместе.

– Какая удача. То есть… прости, я не то хотел сказать.

– Смерть удачей не назовешь!

– Ну да, – кивнул Лавров. – Прости.

– Ты расследуешь убийство?

Дородная дама в черных очках повернулась в их сторону. Она уловила слово «убийство» и навострила уши.

– Позволь-ка… – сыщик отвел Глорию в сторону, к пом-

пезному памятнику из серого мрамора. – Я отвлеку тебя буквально на пару минут. Ты близко знала покойного?

– Мы были студентами, изредка встречались на вечеринках, только и всего.

– Ты пришла на похороны…

– …потому что хотела увидеться с тобой, – опередила его вопрос Глория. – Ты куда-то пропал. Как идея с частным агентством? Продвигается?

– Пока нет. Я не уверен, что сыск – мое призвание.

– В таком случае что ты делаешь на кладбище?

Лавров смущенно отвел глаза. Она права. Что его привело сюда?

– Мне нравится процедура, – усмехнулся он. – Напоминает о бренности жизни и суете, в которой все мы погрязли.

– Да ладно…

– О каком убийстве ты говорила? Разве Генрих умер не своей смертью?

– Если бы он умер от остановки сердца, тебя бы здесь не было.

– У меня возникли сомнения, – согласился с ней Роман. – Ты их развеешь или…

– Или!

– Значит, жениху помогли покинуть этот мир, юдоль печали и рассадник греха?

– Не кощунствуй, – возмутилась Глория. – Ты на похоронах, как-никак.

– Ты что-нибудь слышала о Доре Дудинской?

– Только то, что покойный собирался жениться на ней.

– Эпатажная особа. Называет себя свободной художницей, вращается в богемных кругах, прожигает родительские денежки и тешит себя надежной на развитие таланта. Говорят, над ней тяготеет проклятие. Это реально?

– Что угодно реально.

– Проклятие настигает любого, кто рискнет предложить Доре руку и сердце?

– А что, были прецеденты?

– Целых два…

Глава 7

Дора очнулась и увидела у своей постели Катю Прозорину.

– Почему? – простонала она, и из уголков ее глаз выкатились слезинки. – За что?

– Не думай об этом.

Дружба Кати и Доры осталась в прошлом. Когда второй жених Доры вернулся из Египта в гробу, та впала в глубокую депрессию. Из этого состояния ее выводили в неврологической клинике. Подруги долго не виделись. Катя с мужем жила в загородном поместье, Дора зализывала душевную рану в Париже. Пробовала выставлять свои работы на Монмартре, прямо на улице. Несколько полотен удалось продать.

Дора возомнила себя непризнанным мастером кисти. Она отвергла уроки живописи, утверждая, что это губит ее самобытность. Ее картины представляли собой произвольный набор пятен, геометрических фигур и кривых линий. Критики игнорировали их, галереи брали неохотно, публика безмолвствовала.

Дора зачастила в «Мулен Руж» и другие кабаре, коих в Париже хватало. Там, по ее мнению, царил дух импрессионистов, любителей абсента и канкана. Там она черпала вдохновение, истощенное постигшим ее горем и одиночеством. Она заказывала билет на последнее представление без ужина, которое начиналось в одиннадцать вечера, и сидела за столиком, потягивая шампанское «Шодрон и сын» и дожидаясь знаменитого французского канкана. Особенную пикантность придавало этому название музыки, под которую его исполняли безукоризненные «мулен-ружские» танцовщицы, – финал «Орфея в аду» Оффенбаха.

Под звуки канкана было томительно и сладко осознавать, что миром правят любовь и страсть. Дора вспоминала, в честь кого она получила имя, и плакала от грусти и восхищения. Вестибюль «Красной мельницы», отделанный красным и синим бархатом, казался ей преддверием ада. Афиши Тулуз-Лотрека на стенах вызывали тоску. Этот художник был физическим уродом, воспевшим женскую красоту. Дора же считала себя нравственным уродом. Между ними была существенная разница. Анри Тулуз-Лотрек *обессмертил* сво-

их возлюбленных, а она – *принесла им смерть*.

Словно в бреду Дора выходила из кабаре и шагала к площади Пигаль, заглядывая в секс-шопы и стриптиз-клубы. К утру она напивалась до беспамятства. В сумраке узких улочек маячили, завлекая клиентов, девицы в коротких кожаных юбках и накрашенные трансвеститы. Струился прохладный воздух. Горели старинные фонари. Пахло дешевыми духами и дымом сигарет…

– Я знаю, что это было, – прошептала Дора. – Преддверие ада!..

– Ты о чем? – наклонилась к ней Катя.

– О Париже, о канкане…

«Она все еще находится под действием лекарств, – думала подруга, сочувственно кивая головой. – Ей совсем плохо. Хорошо, что она не пошла на похороны!»

– Ты видела? – беспокойно привстала Дора и вцепилась пальцами в ее руку. – Видела, как его… как он…

– Кто?

– Генрих! Его ведь уже похоронили? Да? Я оставила его одного! Не смогла быть рядом. Валялась здесь, на койке, словно бревно… в то время, как его…

Ее речь стала бессвязной, рот задергался, и Катя испуганно позвала врача.

После укола Дора затихла, ее веки смежились, и она опять уснула.

– Ей нужен отдых, – объяснила молодая сестричка с пух-

лыми губками и курносым носом. – Идите домой. За ней тут хороший уход.

Катя постояла у постели подруги, вспомнила о Лаврове и вышла в коридор звонить. Ведь она обещала расспросить Дору о приглашенных на вечеринку и взять у нее список гостей.

– Ничего не вышло, – сообщила она, когда сыщик ответил. – Дора говорила что-то о канкане, о преддверии ада, о Париже… потом ей сделали укол, и она уснула.

– Преддверие ада? – переспросил он. – Странно. Что она имела в виду?

– Не знаю. Ей очень плохо. Нельзя бросать человека в беде. Ты же не собираешься…

– Извини, Катя, потом поговорим.

– Ты не один? – догадалась она.

Глория права, что каждый может стать провидцем. Особенно влюбленная женщина, чувства которой обострены.

В трубке повисло молчание.

– Я занят. Перезвоню, когда освобожусь, – бросил Лавров и отключился.

Катя застыла с телефоном в руке, ее сердце часто забилось. Она была взволнована. Ревновала. Злилась. Потом вышла из клиники и побрела куда глаза глядят. По дороге ей вспомнилась дама бальзаковского возраста – та самая, у которой подскочило давление, когда с Генрихом случилось несчастье. Даму звали Люлю, она была любовницей хозяина

нескольких художественных галерей. По слухам, Люлю приторговывала антиквариатом подпольно. В связи с этим у нее были неприятности с законом, но дело замяли. Любовник позаботился.

Катя обращалась к Люлю по поводу приобретения картин для загородного поместья. Та помогла приобрести несколько полотен. С тех пор они не созванивались. Но в электронной памяти где-то должен быть ее номер.

Катя остановилась и достала телефон. Зачем ей понадобилась Люлю? Затем, чтобы появился повод встретиться с Лавровым и обсудить подробности того вечера. Катя не верила, что Генриха убили, но настойчиво внушала сыщику эту мысль. Ей понравилась идея о каком-то редкостном яде, и она ухватилась за нее, как за соломинку.

Если Генриха отравили, значит, у него был враг. И враг этот присутствовал в зале. Все его видели, но никто не догадывался, какие черные планы зреют в его голове. Люлю – записная сплетница – наверняка подскажет ей пару-тройку интересных версий.

– Вот он, номер! – обрадовалась Катя. – Уцелел! Чудесно.

На дисплее высветилось настоящее имя Люлю: Лидия Демцова. Вот кто посвятит Катю в тонкости чужой частной жизни. При правильном подходе, разумеется…

* * *

Жилище Люлю представляло собой смесь роскоши и убожества. Старые стены нуждались в ремонте, зато на них теснились картины в массивных багетных рамах. Потолок в гостиной облупился, зато с него свисала дорогущая хрустальная люстра. Рассохшийся скрипучий пол покрывали пушистые ковры. На мебели из мореного дуба лежала пыль. Цветы в китайской вазе увяли.

– У тебя уютно, – притворно улыбнулась Катя. – Старинный дом, высокие потолки.

– Бывшая коммуналка, – объяснила хозяйка. – Когда появились деньги, я выкупила у соседей их комнаты и теперь живу в этих хоромах. Нравится?

– Очень.

– Хочешь прикупить что-нибудь из живописи по сходной цене?

Катя кивнула, чтобы заинтересовать Люлю. Без выгоды та не станет тратить время на разговор. Тем более они с Катей даже не приятельницы – просто знакомые.

– Я была у Доры в больнице, – сказала гостья, пока Люлю сидела за ноутбуком, выводя на монитор каталог. – Ей ужасно плохо.

– Ой, не говори! Я до сих пор в себя не пришла! Сижу на таблетках. Так перенервничала, ты себе не представляешь!

Наверное, на ее прическу пошла уйма лака. Косметики Люлю тоже не жалела. Глаза подвела к вискам, как Клеопатра, губы отливали жирным малиновым блеском. Дома она одевалась так же вызывающе, как и на людях. Салатовые брючки плотно облегали ее бедра, а кофточка трещала по швам, подчеркивая каждую складку ее откормленного холеного тела. Своей пышной фигуры Люлю совершенно не стеснялась.

– Ты ничего странного не заметила? – спросила Катя.

– Где?

– В тот вечер в клубе, когда умер Генрих.

– Вот, взгляни… лирические пейзажи, – обернулась Люлю. – Есть неплохие работы. Выбирай.

Катя сделала вид, что рассматривает картины. Люлю шумно дышала рядом. От нее пахло мятой и коньяком. Видимо, она снижала давление не только таблетками.

– Ну как? Прелесть, правда?

– Да, – рассеянно кивала Катя. – Но я предпочитаю жанровые сценки. Кокетка перед зеркалом… влюбленная пара на лесной полянке.

– Жанровые? Сейчас… минуточку…

Перед гостьей, сменяя друг друга, замелькали полотна в духе старых голландцев.

– Это подражание, сама понимаешь, – объяснила Люлю. – Но отличного качества. Девятнадцатый век. Будешь брать? Вот эти две пастушки на фоне мельницы просто изумитель-

ны. Рекомендую.

– Я еще подумаю.

– Давай-ка чаю попьем. Зелененького, для здоровья. А?

Катя согласилась, лишь бы задержаться у Люлю подольше, поболтать с ней.

– Мне теперь кофе нельзя, – пожаловалась та. – Из-за давления. Зря я пошла к Доре на помолвку. Знала же, что добром это не кончится. Сколько я страху натерпелась! Пока не выяснилось, от чего умер Генрих, я места себе не находила. Мы все могли сыграть в ящик! Вдруг в шампанском был яд? Я тоже его пила.

– Кому понадобилось травить Генриха?

– У человека всегда полно завистников. Взять хотя бы Дору. Она бездарность, которая пробивает себе дорогу деньгами своего папаши. Не каждому это по душе.

Катя не удивилась тому, что Люлю осуждает Дору. В их кругу такое в порядке вещей. В глаза говорят одно, за глаза – другое. Люлю знала все и обо всех, а недостающие сведения черпала в своем воображении.

– Думаешь, у Доры есть враги?

– Враги есть у всех, милочка. Вопрос в том, на что они способны. Слава Богу, Генрих умер от остановки сердца, а не от яда. Иначе я бы перестала ходить на тусовки. Это опасно! Кто-то, кому ты не нравишься, может отравить тебя. Ужас!

– Человек не умирает без причины. Наверное, у Генриха в тот вечер был сильный стресс. Ты не видела, он с кем-нибудь

ссорился?

Люлю задумалась, поджав губы и уставившись на экран, где картинные пастушки мыли изящные белые ножки в прозрачном ручье.

– Не помню… – выдала она после продолжительной паузы. – Это не важно, ссорился – не ссорился. И без того известно, что Балычев люто ненавидит Генриха. У Доры тоже недругов хватает. С ее скандальным характером странно было бы ожидать всеобщей любви.

– Кто такой Балычев?

– Мутный тип. Говорят, он промышляет финансовыми аферами. А с Генрихом у него давние счеты.

– Какие?

– Из-за женщины, – подмигнула накрашенным глазом Люлю. – Старо, как мир.

– Балычев ухаживал за Дорой?

– Боже сохрани! Нет, конечно. Такие перестарки, как Дора, его не интересуют. Он обожает нимфеток. Болтают, что у него есть собственный бордель где-то под Москвой. Исключительно для личного пользования. Правда, иногда он берет с собой какую-нибудь важную персону, которой желает угодить.

Люлю наклонилась и, дыша на Катю смесью ментола и алкоголя, шепотом добавила:

– Ходят слухи, он большой шалун, этот Балычев. Нимфетки от него без ума. Он умеет угодить и самой распущенной, и

невинной скромнице. Впрочем, это только слухи. Мужчины сплетничают почище нас, особенно когда речь идет о сексе!

Люлю захихикала и направилась к шкафчику с посудой. Кухня в ее квартире была совмещена с гостиной, и хозяйка могла «без отрыва от производства» готовить угощение. Она включила чайник, достала чашки и коробку с шоколадом.

Катя подошла и принялась ей помогать.

– А что не поделили Балычев и Генрих?

– У них произошел серьезный конфликт, – сообщила Люлю, насыпая заварку в старинный фарфоровый чайничек. – Еще в Париже. Ты бывала во Франции? Кабаре «Мулен Руж» знаешь?

– Муж водил меня в «Лидо». Это на Елисейских полях.

– Так вот. У Генриха с Балычевым произошла стычка в «Мулен Руж». Чуть до драки не дошло. Хорошо, что на представлении было много наших. Они вмешались и замяли ссору.

– Из-за чего же они сцепились? – удивилась Катя, вспоминая Балычева. Вероятно, он был неприметной внешности, раз ничем не выделился среди гостей Доры.

– Говорю же, из-за женщины. В «Мулен Руж» артистки как на подбор – все по метру восемьдесят, талия, грудь, ножки. У Генриха там племянница танцует.

– В кабаре?

– А что такого? Престижное место, между прочим. Надо же было случиться, чтобы Балычев запал именно на род-

ственницу Генриха. В общем, он свихнулся на этой долговязой красотке! Начал подбивать к ней клинья, а Генрих возьми и настучи ее папаше. Париж – не Москва, там другие порядки. Словом, Балычев получил от ворот поворот и затаил обиду. Он подловил Генриха прямо в зале, на представлении, подошел к его столику и устроил разбор полетов. Тот не смолчал, и пошло-поехало.

– У Генриха родственники во Франции?

– Ну да! Ты не знала?

Люлю разлила чай в чашки, поставила их на поднос и отнесла на столик перед компьютером. Катя взяла в рот шоколадку. Сладкое стимулирует работу головного мозга.

– Двоюродная тетка Генриха живет в Париже. У нее там цветочный магазин, муж и дочь, из-за которой и разгорелся сыр-бор. Кстати, Дора познакомилась с Генрихом в Париже, на площади Тертр. Он купил ее картину, она растаяла. Бедняжка…

Люлю тяжело вздохнула и прослезилась. Но тут же осторожно промокнула ресницы салфеткой, чтобы не потекла краска.

– Зачем было приглашать на помолвку Балычева, если они с Генрихом не ладили? – спросила Катя.

– Дора его не приглашала. Он сам пришел.

– Как это сам? Клуб «Фишка» не забегаловка, куда пускают всех подряд. Тем более на заказную вечеринку.

– На помолвку была приглашена подружка Балычева Со-

ня. Очевидно, Дора понятия не имела, что у них роман.

– Дора могла не знать, – кивнула Катя. – Чего нельзя сказать о Балычеве. Он-то с какой стати увязался за Соней?

– Ты плохо знаешь Балычева. Когда он влюблен, то ни на шаг не отпускает от себя новую пассию. Его страсть сильна, но скоротечна. Остудив жар, он забывает о своей любви и устремляется на поиски следующей. Ах, где мои весенние года? – игриво поправила кудри Люлю. – Жаль, что я не в его вкусе.

– Какой у него вкус? Двухметровые блондинки с ногами от шеи?

– Дело не в росте. Балычев тащится от молоденьких кошечек с недоразвитым бюстом. Поэтому он обожает танцовщиц из «Мулен Руж». У них ценятся естественная, в меру полная грудь и, разумеется, аппетитная попка. Плюс антураж: павлиньи перья, складки, рюшечки, чулочки со швом, стразы и блестки. У Балычева это пунктик.

Катя подумала, что среди гостей Доры были несколько девушек, которые могли сойти за подружку Балычева. Она не обращала на них внимания, о чем теперь пожалела.

– Неужели ты не помнишь Соню? – удивленно протянула Люлю. – Она была неподражаема в коротком зеленом платьице с желтым боа из перьев.

Катя вспомнила. Ей таки бросилась в глаза девушка с желтым боа. Но кто был рядом с ней, она не заметила. Видимо, мужчина совершенно терялся на фоне своей экстравагант-

ной спутницы.

Потом, когда Дора взобралась на сцену, все взгляды были прикованы к ней и ее жениху. Смерть Генриха повергла публику в шок, от которого гости не скоро оправились. Таким образом, Соня и ее спутник выпали из поля зрения Кати. Она больше не видела желтого боа ни возле трупа, ни потом при разъезде людей из клуба.

Значит, Балычев с подружкой сбежали.

– Спасибо, Люлю! – восторженно воскликнула она, указывая пальцем на экран ноутбука. – Я беру этих пастушек!

Хозяйка просияла и сразу забыла о «бедняжке Доре» и безвременной кончине ее очередного жениха. Бизнес – прежде всего. Ей удалось всучить Кате Прозориной дорогое полотно неизвестного мастера девятнадцатого века. Правда, опытные эксперты сомневались в том, что картина датирована верно. Но это уже проблемы покупателя, а не продавца.

Выпорхнув из квартиры Люлю, Катя торопливо набрала номер Лаврова.

– Я знаю, кто убил Генриха! – выпалила она, едва тот взял трубку…

Глава 8

Дневник Уну

За ужином в придорожной гостинице я вышла в туалет и больше за стол не вернулась. Это был отель, расположенный прямо на трассе. Мне удалось протиснуться в окошко туалетной комнаты и выскользнуть в теплую летнюю ночь.

На заднем дворе кошки делили объедки, брошенные им сердобольной поварихой. Светила луна. Гудело комарье. Извилистая тропинка вела к лесу. Я побежала в чащу, не думая ни о чем, кроме желания поскорее скрыться в спасительной темноте. Не пройдет и десяти минут, как меня хватятся и пустятся в погоню.

У меня не было с собой ни вещей, ни денег. Мой паспорт остался у Хозяина, и я понятия не имела, куда мне теперь

податься. Лес пугал меня мраком и сыростью. Я не знала, какие звери здесь водятся, и боялась заблудиться. Под ногами хрустели сучья, я то проваливалась во что-то мягкое, то натыкалась на гнилые пеньки и стволы деревьев. Пару раз я чуть не разбила себе лоб, и замедлила шаг. Лицо и руки облепили кровососы, они лезли в нос и глаза, щекотали мне уши. Вскоре все открытые места на моем теле горели и чесались. Я плакала от страха и боли. Ветки расцарапали мне кожу, и ранки саднили. У меня не было времени разглядывать, что со мной. Я молилась, чтобы не упасть и не подвернуть или, не дай Бог, не сломать ногу. Тогда мне конец.

Я не знала, сколько прошло времени, и остановилась передохнуть, когда уже не могла дышать. Пот заливал мне глаза, сердце выскакивало из груди, в горле пересохло. Со всех сторон меня обступали безмолвные мрачные стволы. Пахло прелью и болотом. Неужели я забрела в топь? От этой мысли внутри все оборвалось.

Комариный звон становился нестерпимым, вокруг меня что-то трещало, ухало и чавкало. Словно леший с прочей болотной нечистью облизывались и причмокивали в предвкушении вкусного обеда. Крики ночных птиц казались голосами чертей, а лесные шорохи – крадущимися шагами медведя или волка. Сюда не проникала луна, и я ощутила себя в разверстой могиле, темной и глубокой. Далеко вверху подрагивали почти невидимые звезды. Где-то за деревьями дышала трясина. Из-под земли вырывались жуткие стоны и булька-

нье.

«Что ты наделала, Уну? – звучало в моей голове. – Ты погибнешь! Пропадешь!»

Я многое бы отдала, чтобы вновь очутиться в уютной и светлой гостинице, за столом в окружении моих язвительных и злобных товарок. Даже участь быть убитой Хозяином теперь не приводила меня в ужас. Может, я бы не так уж долго мучилась. Гораздо хуже утонуть в болоте или быть съеденной волками.

От усталости и боли накатило забытье. Я провалилась в темноту, из которой меня вывел громкий мужской басок.

– Глянь-ка, что я нашел! Вот это гриб, так гриб!

Я с трудом расплющила веки. Они отекли от укусов, и мои глаза не открывались. В узкую щелочку я увидела бородатую рожу и закричала.

– Живая! – обрадовался мужик. – Поди-ка сюда, Сенька!

Рядом со мной на корточки опустился мальчишка в спортивной курточке и кепке с мятым козырьком.

– Ого, батя! Ничего себе!

– Ты как тут очутилась? – спросил меня бородатый.

– За… заблудилась…

– Где корзина-то? Потеряла?

– Ага…

– Чего ж ты так вырядилась? – недоумевал мальчишка, уставившись на мои босоножки. – Руки голые, ноги босые!

– Лес – не танцплощадка, – качал головой бородатый. – А

где твои-то? Бросили тебя?

– К-кто?..

– Ну, компания, от которой ты отбилась?

Я испугалась, что мальчишка с бородатым мужиком отведут меня в гостиницу и отдадут Хозяину, и сделала вид, что мне плохо.

– Горе с этими грибниками, – сердился мужик. – Понаедут, сунутся в чащу без компаса, без навигатора. Потом ищи их! Хоть бы позвонили, сообщили, что человек пропал. Небось, водки хряпнули и домой уехали. А эту бедолагу ночью в лесу оставили.

– Батя, она чуть в болото не угодила, – ввернул мальчишка. – Тогда бы ей хана!

– Цыц, ты. Не пугай девчонку. Видишь, она и без того сомлела. Страху, небось, натерпелась…

Он взял меня под мышки, поднял, взвалил на плечо и понес. Легко, словно куклу. Мне было неудобно висеть вниз головой, но я терпела.

Бородатый мужик оказался местным лесником, а мальчик Сеня – его сыном, который приехал к отцу на каникулы. Они жили в деревянном доме с печью и баней во дворе. В этой баньке я с удовольствием помылась и намазалась бальзамом из трав, от которого боль и зуд сразу утихли.

После бани я надела большую мужскую рубашку, которая была мне ниже колен, и вернулась в дом.

– Ты чья будешь? – спросил лесник, накрывая стол. – Го-

родская? Из района?

– Ага, – торопливо кивнула я, желая избежать дальнейших вопросов.

– Ты ешь, ешь. Пища у нас простая, щи да каша. Зато полезная. Сенька, подай медку к чаю! Конфетами-печеньями мы не балуемся.

Аппетит у меня совершенно пропал. Я из вежливости запихнула в себя пару ложек щей и отодвинула тарелку.

– Не могу больше…

Лесник заставил меня выпить чашку густого травяного чая с медом, уложил на деревянную кровать и велел поспать, а сам отправился во двор. Они с Сенькой о чем-то переговаривались. Сквозь дрему я слышала, как поют за окном птицы и шумит лес. Потом все пропало…

Не помню, что мне снилось в тот летний солнечный день, полный запаха скошенной травы и птичьих трелей. Сон был тревожный и некрепкий. Кто-то нашептывал мне на ухо странные и непонятные слова: «Аф… йомен… эвибр… тах…»

Я вздрогнула и вскочила. В деревянной горнице, залитой светом, никого не было, кроме толстого рыжего кота. Свернувшись клубочком, он спал у меня в ногах.

Я вздохнула и осторожно встала с кровати, стараясь не разбудить кота. На окошке цвела красная и розовая герань, за окошком виднелся деревянный сарай, стог сена, забор и зеленый лес. Я покосилась на свои ноги – они были изране-

ны, порезы и ссадины едва затянулись. Медленно ступая по теплому от солнца полу, я подошла к двери. Она была не заперта.

– Иди, куда хочешь, Уну, – пробормотала я. – Никто тебя не держит.

Я сообразила, что назвала себя чужим именем, и поразилась. Оно все-таки пристало ко мне. Потом я вспомнила о Хозяине. Он, вероятно, занят поисками беглянки. Что он со мной сделает, когда найдет?

Между окнами стоял столик, над ним висело овальное зеркало в деревянной резной раме. Я мазнула по нему взглядом и отвернулась. Руки чесались запустить в него чем-нибудь тяжелым. Например, глиняным горшком. Я спрятала руки за спину и поскорее отошла. Нехорошо портить вещи людям, которые меня приютили.

«Аф… йомен… – звучало в моей голове, – …эвибр…»

Я зажала уши, но назойливые слова продолжали звучать в моем сознании. От них было не скрыться, не избавиться.

«Аф… йомен…»

Я подумала, что лесник как-то добирается до своей сторожки. Можно дойти до трассы и поймать попутку. Только у меня нет денег, чтобы заплатить водителю. И я не знаю дороги, поэтому могу опять заблудиться.

«…эвибр… тах…» – отдавалось в моих висках.

Я замотала головой, рассердившись на новую напасть. Нервное напряжение, бегство и ночевка в лесу пагубно по-

влияли на мой рассудок. Чего доброго, я слягу и попаду в больницу. А там…

Я ни разу в жизни серьезно не болела. Несмотря на чудовищные бытовые условия и постоянное недоедание, здоровье меня не подводило. Странные слова в моем мозгу пугали меня больше, чем перспектива снова встретиться с Хозяином.

«Аф… йомен…»

– А-аа-аааа! – что было сил завопила я, пытаясь заглушить бредовые звуки. – Ааа-а! А-аааа! Аа-аааа!

Хлопнула дверь, и в комнату ворвался мальчишка.

– Ты чего орешь?

Я замолчала и застыла на месте, прислушиваясь – исчезли слова или нет.

– Дура! – с чувством произнес Сенька и сплюнул. – Напугала, оглашенная! Думал, ты кипятком обварилась. У нас чайник тяжелый. Можно уронить. Ты его не трогай. Лады? Если захочешь чаю, батю кликни.

Я опустила руки и кивнула. Внутри было тихо.

– Лады, – сказала я и повернулась к печи. Там стоял огромный пузатый чайник, черный от копоти. Мне вдруг захотелось пить.

– Налить тебе воды? – догадался Сенька. – Погодь, я колодезной принесу.

Вода из колодца была холодная и чистая, как слеза. От нее сводило зубы.

– Мне домой надо, – солгала я, возвращая ему кружку. – Трасса далеко отсюда?

– Не-а. Ты по лесу крюк сделала, чудом в болоте не утопилась. Болотце у нас маленькое, но топкое. Один неверный шаг, и буль-буль.

Я содрогнулась и мысленно поблагодарила судьбу, что она уберегла меня от страшной смерти.

– Проводишь меня к трассе?

– Отчего же не проводить? – улыбнулся щербатым ртом Сенька. – Оклемаешься, и пойдем. Только завтра уже.

– Почему завтра?

– Погляди на свои ноги-то. Живого места нет. Обувка у тебя для лесу непригодная. Я тебе свои старые сапоги дам. Они мне малы, а тебе как раз будут. Ты девчонка.

– Сегодня давай.

– Не-а, – заупрямился он. – Сегодня нельзя. Батя заругает. Ты идти не сможешь. А тащить тебя некому! И на лошадь не посадишь. Приболела лошадь, хромает. Подкову менять надо.

«Аф… йомен… эвибр…» – прошелестело у меня в ушах, и я зажала их ладонями. Потребовала:

– Уходи, Сенька!

– Ты че, обиделась?

– Уходи! Мне нужно побыть одной…

Москва

Лавров привез Глорию в кафе на набережной. Ему нравилось закусывать и смотреть на воду, как бежит по реке солнечная рябь, как плывут по ней узкие юркие байдарки.

– Здесь рядом спортивная база, – сказал он. – Дают лодки напрокат. Покатаемся?

– Как-нибудь потом.

Официантка принесла им заказ: белое вино для Глории, мясо под сливочным соусом и салат.

– Ты уверена, что Генриха убили? – уточнил сыщик, приступая к еде.

– Ты же свидетель! Ты был на помолвке в ночном клубе, где это случилось.

– Кто тебе сказал?

Она усмехнулась, пробуя кусочек мяса.

– Тебя потащила туда Катя? Не бойся, я не ревную.

– Ну допустим, – нахмурился он. – Никто Генриха не убивал. Я разговаривал с экспертом, который делал вскрытие. Никаких признаков насильственной смерти не выявлено.

Глория молча пригубила вино. Лавров сожалел, что он за рулем. Хотелось выпить чего-нибудь крепкого. Джина или перцовки. Несмотря на теплую погоду, он на кладбище продрог. Или это нервная дрожь от того, что Глория рядом.

Она спокойно занялась едой, в то время как Роман ли-

хорадочно подбирал слова, способные объяснить его состояние. Они с Глорией слишком разные, но он бы много отдал, чтобы идти с ней по жизни рука об руку. Или хотя бы расследовать вместе «убийство» Генриха, которого никто не убивал.

– Разве тебе не показалась подозрительной эта внезапная смерть? – вдруг спросила она. – Внешне здоровый человек ни с того ни с сего падает и отдает концы.

– Ты же врач. Знаешь, что всякое бывает. Правда, я навел справки: Генрих Семирадский на сердце не жаловался.

– По-твоему, его переполнили эмоции по случаю женитьбы?

– Если это не была трагическая случайность, то Генриха могли только отравить какой-то пакостью, которую невозможно обнаружить. С другой стороны, погибший – не такая уж важная персона, чтобы убийца изощрялся. И еще: зачем совершать преступление на глазах кучи свидетелей?

– Это логические рассуждения. А что тебе подсказывает внутреннее чутье?

– На той вечеринке мне было не по себе, – признался Лавров. – Я ждал чего-то подобного.

– Видишь?!

– Мои личные ощущения не имеют значения.

– Ошибаешься. Именно к ним-то и следует прислушиваться.

– Я бы все равно ничего не смог сделать.

– Сколько человек было в зале, когда Генрих упал?

– Около тридцати, все очень разные.

– Кто-нибудь привлек твое внимание?

Лавров отложил вилку и задумался. Катя говорила о каком-то Балычеве и его пассии – юной красотке в желтом боа. Он с трудом припомнил девушку в зеленом платье и шейном шарфе из канареечных перьев. Но когда начался переполох, ее не было среди тех, кто столпился у бездыханного тела. Когда гости разъезжались, Лавров тоже ее не видел.

– Там было полно экстравагантных личностей.

– Экстравагантность – не порок, – улыбнулась Глория. – Просто у людей обостренная потребность самовыразиться.

– Вы с Катей сговорились?

– Она тоже считает, что Генриха убили?

– Она готова допустить это лишь бы…

– Быть с тобой? Я тебя предупреждала, Рома. Задурил барышне голову и в кусты?

Лавров сердито вздохнул и отвернулся. По реке плыл прогулочный катер, деревья на том берегу начали покрываться зеленью. Казалось, там стоит зеленый туман.

– Есть один человек, который имел зуб на Генриха, – сказал он. – Некто Балычев. Надо бы с ним встретиться и поговорить.

– О чем?

Он плохо представлял себе, каким должен быть разговор с господином Балычевым, и надеялся сориентироваться на

ходу.

– Катя хочет помочь Доре Дудинской. Они были подругами, потом разошлись. А в общем, ты права. Катя ищет предлог для наших встреч. Я с себя вины не снимаю, но и не намерен потакать ей.

– Искать убийцу Генриха очень опасно.

– С чего ты взяла?

– Я чувствую.

– Тогда подскажи, каким образом это произошло. Его отравили?

– Не знаю, – покачала головой Глория, сосредоточиваясь. – Я *не вижу*, чтобы ему добавляли яд в еду или питье. Он волновался и мало ел. Совсем мало…

– Зато пил много шампанского.

– Шампанское тут ни при чем…

– Тогда, может быть, укол?

– Не вижу…

– Дали что-нибудь понюхать? Или выкурить? Кстати, он курит? Похоже, нет. Я не видел его с сигаретой. Что же с ним случилось?

Глория развела руками. Она не могла понять, что послужило причиной смерти бывшего однокашника, и это пугало ее.

– Никто из гостей Доры, кажется, не желал ему зла. Хотя… один человек был просто пропитан ненавистью. Да! Неприметный господин с молодой подружкой. Может, это и

есть Балычев?

Глория как будто бы смотрела на реку, но на самом деле видела ту злосчастную вечеринку – бездыханного жениха, рыдающую невесту, испуганных гостей.

– Если Балычев убил Генриха, как он это сделал?

– Пока не могу сказать. Я еще на кладбище пыталась определить, что стряслось с Генрихом. Он сам в недоумении. Не успел ничего сообразить! У него было плохое предчувствие, которое усиливалось во время помолвки. Особенно, когда Дора знакомила его с гостями.

– Ты… имеешь в виду…

– Я говорила с ним.

– На кладбище? – поразился Лавров. – Он же…

– Мертв, – кивнула она. – Но не безмолвен. Он пытался объяснить мне, что с ним случилось. Генрих, бедняга, ничего не понял. Он умер быстрее, чем у него появилась какая-либо мысль по сему поводу.

– Вот это да! Если он ничего не понял, то как же нам понять?

– Нам легче. Мы можем наблюдать, рассуждать и обмениваться мнениями. Мы можем задавать вопросы другим людям.

– *Мы?* – обрадовался Лавров. – Я могу на тебя рассчитывать? Почему ты решила помогать мне?

– Я хочу видеть тебя живым.

У него пересохло в горле, а по спине побежали мурашки.

Пришлось глотнуть воды, чтобы скрыть охватившую его панику. Страх накатил ледяной волной и схлынул, оставив после себя мелкую дрожь.

– Все так серьезно?

– Да, – без улыбки подтвердила Глория. – Тебе не следует вмешивать в это дело Катю. Запрети ей даже заикаться о том, что в клубе произошло убийство! Будь предельно осторожным. Один твой интерес к смерти Генриха уже может стоить тебе жизни. Так что действуй незаметно, выбирай окольный путь.

– Легче забыть о Генрихе, и дело с концом.

– Но ведь ты не забудешь.

– Я вроде бы ничего не начинал…

– Разве? Ты побывал у эксперта, потом явился на похороны.

– Каюсь. Любопытство сильнее меня. Если я чего-то не понял, не могу успокоиться.

– Знаешь, что? Привези ко мне Дору, как только она оправится от потрясения. Устрой нам встречу в моей квартире на Шаболовке. И позаботься, чтобы об этом никто не знал…

Глава 9

Майор полиции, которого Роман знавал еще старлеем, выглядел измотанным. Он отказался от спиртного и сказал, что торопится.

– Дел навалилось, пашем без продыху, – пожаловался он, с завистью глядя на блестящий после мойки «туарег» сыщика. – Твой?

– Это подарок.

– Ух ты! И кто же такой щедрый?

– Хозяйка фирмы, где я раньше работал начальником охраны, – честно признался Лавров.

Майор бросил на него выразительный взгляд, но воздержался от комментариев. Зная горячий нрав бывшего сослу-

живца, решил не нарываться.

– Зачем я тебе понадобился?

– У меня есть пара вопросов. Не удивляйся.

– Я уже ничему не удивляюсь, – устало вздохнул майор. – Давай, говори, а то мне бежать пора. Начальство совещание собирает. Опаздывать не принято.

– Я тебя надолго не задержу. Меня интересует вот что: проходили в последнее время по сводкам странные смерти в общественных местах?

Майор пожал плечами и усмехнулся:

– Ты в своем репертуаре. Что значит «странные»?

– Ну представь себе – здоровый на вид человек вдруг падает при всех и… умирает. А потом оказывается, что у него сердце остановилось или еще что-то подобное. В общем, естественная кончина.

– Это не наша парафия, Рома. С какого перепугу тебя волнует чья-то естественная смерть?

Майор не понимал, зачем дергать его по пустякам, и разозлился. У него голова пухла от проблем, а тут из-за какой-то ерунды пришлось оторваться от бумаг. Он терпеть не мог писанину, но вынужден был проводить часы за ненавистным занятием. Это испортило его характер.

– На днях в ночном клубе «Фишка» умер некий Генрих Семирадский. Меня интересуют похожие случаи.

– Семирадский… – повторил майор и посмотрел на часы. – Ладно, дам задание нашему аналитику. Пусть прове-

рит. Может, что-нибудь накопает. Не спрашиваю, зачем тебе это нужно. Каждый сходит с ума по-своему.

– Покойный Семирадский был женихом одной моей знакомой, – выкрутился Лавров. – Она не верит, что виной всему – случай. Ищет злой умысел. А кто платит, тот и заказывает музыку, не мне тебе объяснять.

– Да понял, понял. Чем смогу, помогу. Ладно, пока. Позвоню.

Бывший сослуживец махнул рукой и зашагал прочь, к белеющему за деревьями зданию управления. Лавров постоял, подышал холодным апрельским воздухом и сел в машину. Вспомнил о предостережении Глории и огляделся по сторонам. Неужели она не шутила, когда советовала соблюдать осторожность?

– Черт! – выругался он и вырулил с парковки.

Сегодня ему нужно было еще успеть проведать Дору и поговорить с Катей. Они условились встретиться в больничном сквере.

Дора осунулась, побледнела, глаза потеряли блеск. На ней было широкое оранжевое пальто и черный шарф, под которым она прятала волосы.

– Завтра меня выписывают, – равнодушно сообщила она. – Не представляю, как мне теперь жить. Я не смогу! Хочу уехать! Схожу к Генриху на кладбище и уеду…

Слова утешения застряли у сыщика в горле. Катя тоже

молчала. Она держала Дору под руку и участливо вздыхала.

– Сначала Морис… потом Дима… Мне было страшно за Генриха, но я рискнула. Я погубила его! Почему это происходит со мной?

Она не ждала ответа и ни на что не надеялась. Просто облегчала душу. Лекарства притупили ее боль, но не заглушили ее разум.

– Неужели так сильна человеческая зависть?

– Вам завидовали? – спросил Лавров. – Кто?

– Многие. Завидовали моему таланту… моим деньгам, наконец. Это все Тоська! Она с детства соперничала со мной.

– Кто такая Тоська?

– Моя бывшая подруга, – угрюмо молвила Дора. – У нее свой салон красоты на Маросейке. Мы давно разошлись, но она распускает обо мне дурные слухи. Небось, на всю Москву растрезвонила, что моя свадьба опять сорвалась. Опять жених сыграл в ящик!

Дора зарыдала, глухо, без слез, но быстро успокоилась. Сжала губы и напряглась. По ее лицу прошла судорога.

– Зря я пригласила ее на помолвку.

– Она была в клубе, когда…

– Была, – подтвердила несостоявшаяся невеста. – Такая пухленькая блондинка в блестящем платье. Косит под Мэрилин Монро. Она водила меня к своей гадалке, и та предсказала мне «венец безбрачия». Я дура была, молодая, наивная, без царя в голове! Не понимала, что Тоська нарочно все

подстроила. Порчу на меня навела! Она всегда мне завидовала. Всегда!

– Может, тебе к другой гадалке сходить? – робко предложила Катя.

– Я больше к этим ведьмам ни ногой! – вскинулась Дора.

Лавров догадался, что она нарочно пригласила завистницу на свою помолвку с Генрихом. Чтобы утереть той нос и доказать: «венец безбрачия» не действует. Она, Дора, выходит замуж вопреки всем предсказаниям и злостному колдовству, и будет счастлива.

– Тоська замужем?

– Нет, конечно. Не берет никто такую неотразимую сексбомбу. Ей уже за тридцатник перевалило.

– Как ее салон называется?

– «Бьюти», – подсказала Катя. – Я бывала там несколько раз. Приличное место.

– Тоська сволочь, но работать умеет, – добавила Дора.

– Вы с Генрихом подходили к ней в клубе? – спросил Лавров.

Дора подавленно кивнула. Она вспомнила, как сияла, хвастаясь женихом перед одинокой Тоськой. Генрих не был красавцем, но имел приятную внешность. У Тоськи глаза загорелись, ее просто скрючило от зависти.

– Ваша бывшая подруга чем-нибудь угощала Генриха?

– Н-нет…

– Может, она дала ему сигарету, например?

– Генрих не курит. Не курил…

– Она прикасалась к нему? Подавала руку?

– Нет. Я бы не позволила.

– А потом, когда вечеринка была в разгаре, она к вам не приближалась?

– Пусть бы попробовала!

– Генрих никуда от вас не отходил? Поболтать с кем-нибудь или в туалет?

– Я его ни на шаг от себя не отпускала… ни на шаг…

– Вы вместе приехали в клуб?

– Да, конечно. Мы в тот день не расставались. Генрих провел у меня ночь, потом мы прошлись по магазинам… пообедали в ресторане и вернулись домой собираться. Мне нужно было сделать прическу, маникюр. Я вызвала мастера на дом.

Дора хотела бы заплакать, но не могла. Ее голос дрожал, но глаза оставались сухими. Если кто-то мог незаметно подсыпать Генриху в еду или питье отраву, то только сама невеста. Мало ли чем Генрих прогневил ее. Она столько времени мечтала о замужестве и вдруг узнала о том, что у него есть любовница и он всего лишь охотится за ее деньгами.

Лавров прогнал от себя эту мысль. Дора не стала бы выставлять свое преступление напоказ. Она не глупа, хотя и кажется недалекой.

– Дайте мне телефон, – попросил он. – Я позвоню вам, если что-нибудь узнаю.

– О чем?

– У Генриха могла произойти ссора с кем-то из гостей, ему могли позвонить и сообщить нечто такое, после чего у него схватило сердце.

– Он ни с кем не ссорился, а его телефон был выключен.

Роман подумал о гипнотическом внушении. Такие вещи практиковались и практикуются. Что, если Генрих невольно стал подопытным кроликом?

По скверу прогуливались пациенты клиники. Зеленела травка, чирикали пташки. Одна пожилая дама в шляпке сидела на скамейке и внимательно наблюдала за Дорой, Катей и Лавровым. Сыщику это не понравилось.

– Вынужден попрощаться с вами, – раскланялся он. – Вы с Катей еще подышите, а я побегу. Дела!

– Он очень мил, – заметила Дора, когда Лавров удалился. – Тебе везет на мужчин, Кэт. Твой Прозорин тоже хорош собой.

– Он уже не мой.

– Ладно, прости. Значит, ты разводишься? Бесповоротно?

– Да. И хватит об этом…

* * *

Из больницы Роман поехал на Маросейку. Салон красоты, где хозяйничала заклятая подруга Доры, располагался на первом этаже жилого дома.

– «Бьюти», – прочитал сыщик витиеватую надпись на фа-

саде и припарковался между дамской малолитражкой и внушительным джипом.

– У вас мужчин обслуживают? – спросил он у сидящей на ресепшене девицы, похожей на куклу Барби. Прямые светлые волосы, узкое личико, большие глаза с накладными ресницами и маленький алый рот.

– А что вам угодно?

– Лазерную эпиляцию, – заявил Лавров, открывая в улыбке зубы.

– Нет проблем, – пропищала девица. – Только у нас по записи. Когда вы сможете прийти?

– Я бы хотел сначала поговорить с хозяйкой.

– Антонина Викторовна занята.

– Где ее кабинет?

Барби вскочила и замахала руками. Ее кукольное личико перекосилось.

– Я же вам сказала, она…

Лавров бесцеремонно, с той же любезной улыбкой прошел мимо и толкнул первую попавшуюся дверь с надписью «Косметический».

– Туда нельзя! – завопила ему в спину Барби. – Там клиентка!

Рядом с косметическим кабинетом была дверь в парикмахерскую. Девица с ресепшена преградила ему путь. Она запыхалась. Ее блузка расстегнулась, брючки так тесно обтягивали бедра, что грозили треснуть.

– Мне нужна хозяйка салона, – процедил Роман, глядя на золотой крестик в ложбинке ее грудей.

– Вы откуда?

– Оттуда! – он показал пальцем вверх, на потолок.

Барби растерянно и сердито сопела, не зная, как себя вести. На шум из парикмахерской вышла женщина. Ее волосы были покрыты целлофановой шапочкой, и сыщик догадался, что они покрашены.

– Антонина Викторовна! – жалобно протянула девица. – Я сказала, что вы заняты, а он не слушает!

– Я к вам по поводу смерти Генриха Семирадского.

– Генриха? – удивилась хозяйка. Чертами лица она в самом деле походила на Мэрилин Монро. Тщательно подведенные брови, аккуратный носик, красивые губы. Но в целом она выглядела грубее и гораздо полнее знаменитой кинодивы.

– Можно задать вам пару вопросов?

– Вы журналист?

Она сама подсказала Лаврову, кем ему следует представиться. Казалось, она обрадовалась визиту корреспондента, чтобы поделиться с ним сплетнями о Доре и ее провалившейся помолвке.

Сыщик кивнул, и хозяйка поманила его за собой.

– Идемте. У меня есть полчаса до того, как смывать голову.

Ее кабинет напоминал цветочный магазин. Всюду, где

только было возможно, громоздились горшки с вазонами. Пальмы, лианы, орхидеи, азалии. У «журналиста» глаза разбежались.

Антонина Викторовна, источая запах краски для волос, опустилась в кресло, а гость скромно примостился на диване. Дама испытывала неловкость из-за своего непрезентабельного вида, но жажда перемыть кости бывшей подруге, очевидно, перевесила.

– Я вас слушаю, – жеманно вымолвила она.

– Вы были в зале клуба «Фишка», когда произошла трагедия?

– Господи! – осенило ее. – Вы тоже там были! А я-то думаю, где я вас видела?! Помню-помню… и вас, и вашу очаровательную спутницу Катю Прозорину. Она раньше посещала мой салон, но потом перестала. Они с мужем жили за городом, и ей было далеко ездить. А что вас, собственно, интересует, господин…

– Меня зовут Роман.

– Очень приятно, – просияла хозяйка. – Роман! Чем могу помочь?

– Я собираю материал для статьи. Название уже готово: «Смерть накануне свадьбы».

– Ясно, почему вы пришли ко мне. Кто-то наболтал вам про проклятие и порчу? У Доры личная жизнь не клеится, а я виновата! Я не имею к этому никакого отношения, клянусь вам.

– Дора обращалась к некой гадалке по вашей протекции.

– Она попросила, я отвела ее к Матильде. Могу и вам порекомендовать. А уж идти к ней или нет – решаете вы.

– Вы присутствовали на сеансе?

– Когда Матильда раскладывала карты и смотрела на воду в тибетской чаше? Нет, конечно. Гадание происходит наедине с клиентом. С этим у Матильды строго.

– Угу.

– Дора вышла и сама мне все рассказала. И про «венец безбрачия», и про «тень смерти». Она была жутко расстроена и напугана. Но я тут ни при чем.

– «Тень смерти»? Я не ослышался?

– Именно так Матильда ей и сказала: «За тобой тенью ходит смерть. Свадьбы тебе не сыграть, пока не отмолишь великий грех».

– Что за грех?

– Не знаю. Я у Доры допытывалась, но она замкнулась, и хоть тресни. Ни словечка больше!

– Когда она решила пойти погадать?

– После гибели первого жениха. Морис увлекался горным туризмом, скалолазанием. Это его и погубило.

– Морис? Он иностранец?

– У него отец француз, а мать русская. Красивый парень… был. Дора его обожала. Зато он относился к ней с прохладцей. После его смерти Дора пристрастилась к алкоголю. У нее был тяжелый период. Потом она встретила Дмитрия. Ви-

димо, у нее появились какие-то опасения…

– Какие?

– Ну, вы понимаете… когда одна свадьба уже сорвалась самым трагическим образом, невольно приходят на ум разные мысли. Доре захотелось узнать, как все сложится на этот раз. Матильда ее огорошила! Мне кажется, Дора гнала от себя дурные предчувствия, прятала голову в песок…

Лавров пытался представить жизнь этой женщины, похожей на Мэрилин. С утра до вечера работа в салоне, чтобы держаться на плаву, быть на гребне, привлекать клиентов. Длинные одинокие вечера в пустой квартире, злые слезы, тающая надежда на удачное замужество. Утомительная гонка за счастьем, которое ускользает. Случайные знакомства, банальные интрижки. Чтение любовных романов вместо самой любви. Тщательная забота о внешности, борьба с морщинами и лишним весом. Желчь, которая накапливается год от года.

– А как погиб Дмитрий? Кем он был, кстати?

– Психотерапевт. Модный специалист по женским проблемам, – криво улыбнулась хозяйка салона. – Его сеансы стоили недешево, но светские дамы не скупились. Доктор был не только хорошим профессионалом, но и ловеласом. Дора познакомилась с ним на почве своих проблем, стала посещать сеансы. Чем-то она ему приглянулась, возможно, богатым приданым…

Желчь должна была вылиться. И она полилась обильным

потоком. «Журналист» не успевал делать пометки в блокноте.

– Не вздумайте на меня ссылаться в своей статье, – спохватилась Антонина Дмитриевна. – Я вам ничего не говорила.

– Не беспокойтесь, я не выдаю источники информации, – улыбнулся Лавров. – Вам нечего бояться.

– А я не боюсь! Просто не хочу схлестнуться с Дудинскими. С меня довольно грязи, которую они на меня уже вылили.

– Я слышал, Дмитрий утонул. Не знаете, как это произошло?

– Доктор увлекался дайвингом. Два-три раза в год летал понырять в Красном море. Вот и донырялся. Его унесло подводным течением, воздух в баллонах закончился, и он умер от удушья. Тело выловили спустя несколько дней. Для Доры это был страшный удар. Прошло три года, прежде чем она смогла снова задуматься о замужестве.

– Злой рок! – констатировал «журналист».

– Н-да… ей не позавидуешь. Знаете, когда она пригласила меня на помолвку, я немного растерялась. Решила не идти, но…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.